

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

И.Ю. Савенкова

Актуальные проблемы исторических исследований

Методические рекомендации

для студентов очной формы обучения
по направлению подготовки
46.04.01 «История»

**Луганск
2020**

УДК [930.2:378.22](076)

ББК 63.01р3

С 13

Рецензенты:

Даренский В.Ю. – профессор кафедры философии и социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», доктор философских наук, профессор

Турянская О.Ф. – профессор кафедры педагогики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», доктор философских наук, профессор

Савенкова И.Ю.

С13 **Актуальные проблемы исторических исследований:**
методические рекомендации / И.Ю.Савенкова. – Луганск: , 2020.
– 96 с.

Методические рекомендации рассчитаны на студентов исторических специальностей очной формы обучения, содержит учебную программу курса, планы практических занятий, задания для самостоятельной работы, рекомендованную литературу, вопросы к зачету, а также приложения.

УДК [930.2:378.22](076)

ББК 63.01р3

*Утверждено на заседании кафедры всемирной истории и международных отношений, протокол №5 от 24 декабря 2019 г.
Рассмотрено на заседании учебно-методической комиссии Института истории, международных отношений и социально-политических наук, протокол №4 от 26 декабря 2019 г.*

Одобрено Ученым советом Института истории, международных отношений и социально-политических наук, протокол №6 от 26 декабря 2019 г.

© Савенкова И.Ю., 2020

Содержание

Введение	4
Содержание теоретического курса	7
Содержание практического курса	12
Задания для самостоятельной работы студентов	32
Вопросы к зачету	34
Система оценивания учебных достижений студентов очной формы обучения	34
Рекомендованная литература и электронные ресурсы	37
Приложения	43

Введение

В настоящее время довольно распространенной является практика подведения разного рода итогов. Не является исключением и историческая наука, в условиях глобализации столкнувшаяся с динамично меняющейся действительностью. Последнее обстоятельство требует от историка адекватные ответы на вызовы современности, вынуждает переоценить старые и искать новые пути развития научного знания. Не удивительно, поэтому, что профессиональное сообщество в основном дает парадигмальную оценку происходящих в современной исторической науке изменений, стремясь при этом к полидисциплинарному синтезу.

Новая познавательная ситуация требует внедрения новейших достижений науки и в систему образования. В этой связи в подготовке кадров историков значительное место занимает многоаспектная теоретическая подготовка, призванная расширить исторический кругозор будущих специалистов, удовлетворить потребность в осмыслении исторических текстов и их смысловых доминант. Последнее требует умения критически оценивать те или иные исторические события, явления и процессы, ориентироваться в необозримом море информации, теорий и концепций, оперируя при этом такими категориями как «историческое движение» (историческое пространство, историческое время), исторический факт, теория изучения (методологическая интерпретация).

Цель учебной дисциплины "Актуальные проблемы исторических исследований" заключаются в том, чтобы ознакомить студентов с современными подходами к изучению исторических процессов, сформировать представление об основных проблемах методологии истории, логике исторического исследования.

В соответствии с целью задачами курса являются следующие: сформировать у слушателей представление о научной компаративистике, современной герменевтике и интерпретационном анализе; ознакомить с методикой изучения микро- и макроисторических феноменов, а также методикой

анализа пространственно-временных тенденций и традиций; понимать историческое время, а также его связь с историческим; показать связь темпоральности и событийности как показателя темпа исторического времени; раскрыть проблемы теории исторического познания в рамках разных философских и исторических школ (кантианская и гегельянская традиции); сформировать у обучающихся соответствующие государственному образовательному стандарту профессиональные компетенции.

Преподавание дисциплины ведется с применением различных видов образовательных технологий. В качестве ведущих форм и методов обучения применяются лекции (с хронологической, спиральной, сравнительной и проблемной подачей материала) и семинарские занятия.

С целью повышения качества подготовки используются проектные технологии, групповая работа (разработка различного вида таблиц, выполнение заданий творческого характера, выявление проблем, сбор информации с последующим анализом и обобщением). Аудиторная работа сочетается с внеаудиторной.

Текущая аттестация студентов в следующих формах:

- устный опрос на семинарских занятиях;
- контроль за выполнением заданий для самостоятельной работы;

Промежуточный контроль по результатам освоения дисциплины проходит в форме письменного зачета для студентов очной и заочной формы обучения (включает в себя ответ на теоретические вопросы).

Студенты, завершившие изучение дисциплины «Актуальные проблемы исторических исследований», должны:

- знать понятийный аппарат курса, основные проблемы теории исторического познания, а также методологии исследования истории;

- уметь извлекать необходимую информацию из исторических первоисточников; критически анализировать и сравнивать различные точки зрения на какие-либо значимые процессы и события; критически относиться к различным

подходам к изучению исторического процесса; объяснять основные тенденции и закономерности исторического развития;

- владеть навыками работы с научной литературой и источниками по актуальным проблемам исторической науки; навыками обобщения результатов научного исследования на основе современных междисциплинарных подходов.

Содержание теоретического курса

Тема 1. Введение. Предмет истории.

Цель и задачи курса «Актуальные проблемы исторических исследований», его место в системе магистерской подготовки. Современная историческая наука, ее гносеологические и социальные функции. Изменение статуса истории в системе научных дисциплин и в общественной практике. Связь исторической науки с современностью. Осмысление влияния исторического прошлого на характер современных политических, социальных, экономических, демографических процессов. Концепция «Pathdependence» - зависимость развития от предшествующего исторического пути, историко-культурная инерция социальных институтов, «движение по колее». Объяснение эффекта исторической обусловленности развития: технологическое, математическое (теория игр) и когнитивное. Рост осознания необходимости повышения социальной активности истории, ее воздействия на общественно-политическую жизнь – важнейшая тенденция развития исторической мысли начала XXI в. Общественный запрос и научный ответ. Новые ценностные ориентиры и их влияние на результаты познавательной и творческой деятельности историка. Формирование новой исторической культуры и нового исторического сознания.

Тема 2. Историческая теория.

Понятие исторической теории среднего уровня как концептуальной формы осмысления эмпирической действительности. Ее характерные черты. Ее концептуализация вокруг человека в истории. Методологический плюрализм исторической теории. Ее многофакторность. Историческая теория и категориальный аппарат исторической науки. Историческое время. Его отличие от астрономического. Разные скорости течения социально-исторического времени. Историческое время и время историка.

Тема 3. Случайность и необходимость в истории.

Историческая закономерность, историческая случайность, историческая необходимость как элементы исторической теории. «Необходимость» как отражение закономерных, устойчивых отношений исторической действительности. Откуда берется «случайность»? Определение понятия и генезис «случайности». Историческая личность и «случайность». Связь «случайности» и субъективных факторов. Альтернативность и инвариантность в истории. Методологический аспект использования «случайности» в изучении исторических альтернатив. Исторический казус.

Тема 4. Принципы исторического познания.

Историческое познание (историческая гносеология, эпистемология) – определение понятия. Связь исторического познания с историческим сознанием. Основополагающее значение историзма в системе гуманитарного знания. Социальная функция исторического опознания. Объективность и субъективность, современность и история, понимание и объяснение, индивидуальное и универсальное, исторический факт, событие и структура, память и воспоминания, временные пласты, синхронность и диахронность, причинность и детерминизм – фундаментальные категории, понятия и проблемы исторического познания.

Традиции исторического познания: герменевтико-диалектическая, аналитическая, нарративно-лингвистическая. Дискуссия вокруг проблемы утраты исторической памяти (дискретность). Новейшие категории современной исторической эпистемологии: ментальность, восприятие, репрезентация, нарративные конструкции.

Тема 5. Историческое сознание.

Понятие "историческое сознание". Его соотношение с общественным сознанием. Историческая наука и историческое сознание. История и миф. Структура исторического сознания. Его уровни. Историческая память. Историческое сознание и ментальность общества. Типы исторического сознания. Деформация исторического сознания в советский и постсоветский

периоды. "Русская идея". Роль изучения и преподавания истории в формировании исторического сознания. Историческая наука и духовное возрождение.

Тема 6. Актуальные проблемы макроисторических исследований.

Эпистемологические основания глобальной истории (Worldhistory). Анализ познавательной ситуации в глобальной истории. Различие подходов глобальной и всеобщей истории. Основания всеобщей истории: взгляд постмодернистов. Проблемы диалогового мышления и путь к макроистории. Постколониальный дискурс: глобальные образы прошлого и будущего. Миросистемный подход. Методология цивилизационных исследований. Транснациональная, перекрестная и интернациональная истории как альтернативы глобальной истории.

Антропологическая история или историческая антропология: новый подход к изучению прошлого. Формирование антропологической истории как направления исторической науки. Историческая действительность через призму человеческого сознания.

Ментальная история и ее ключевые проблемы. Менталитет как единство сознательного и бессознательного: противоречивость современных подходов.

История повседневности: основные концепции и их реализация при исследовании истории той или иной страны. Теория повседневности. Использование макро- и микроподходов в исследовании истории повседневности. Источники в исследованиях по истории повседневности. Методика исследований: структуры повседневности - социально-экономические отношения, ценности, структуры материальная среда, социальная стратификация, культура, занятия, девиантное поведение и др.; культура повседневности и специализированные формы культуры: наука, искусство, религия, философия, политика, право, мораль. Интегрирующие свойства культуры повседневности. Национальное своеобразие, провинциальный аспект и общечеловеческий характер в истории повседневности.

Нормативное и инновационное в повседневности, коллективное и индивидуальное.

Локальная и региональная история: проблемы и перспективы развития. «Новая локальная история». Структуры «коллективной биографии» локальной общности. Основные подходы к исследованию человеческих общностей: со стороны индивида и со стороны социальной среды. Междисциплинарность в локальной истории. Соотношение понятий локальная и региональная история. Историческая регионалистика и ее познавательные возможности. Определения понятия «регион»: онтологическое, конвенцианистское, социально-психологическое. Отношение «центр-периферия» как система. Конструирование образа региона: формирование, восприятие, функционирование. Понятие региональной идентичности. Перспективы регионального уровня исследований.

Тема 7. Микроистория в зеркале исторической науки.

Микроистория как наука об индивидуальном и уникальном в истории. Методологический кризис 1960-1970-х гг. и поиски выхода из него. Итальянская школа микроистории. Характерные черты микроисторического подхода и его многообразие. Микроанализ в «новой социальной истории». Проблема соотношения микро- и макроистории, важность исторического контекста для связи микро- и макроистории. Микроисследование как способ учесть все документальные свидетельства, относящиеся к изучаемому вопросу, и отражения индивидуальности объекта исследования. Направления микроистории: историко-демографическое, микроэкономическое, ментальное. Специфика статистических микроданных. Микроисторические исследования по отечественной истории.

Тема 8. Новая интеллектуальная история.

Интеллектуальная история, применение ее подходов в современной отечественной историографии. Интеллектуальная история как история интеллектуалов, которые создавали, обсуждали и пропагандировали идеи. Интеллектуальная история

как субдисциплина. Изучение идей через культуру, биографию и социокультурное окружение. Социокультурная детерминация областей интеллектуальной истории - истории знаний, истории науки и дисциплинарной истории. Постмодернизм и поиски новой интеллектуальной истории. Оппозиции: «ученое» и «народное», производство и потребление идей, реальность и репрезентация идей. Научный нарратив, его компоненты, стилистика, типы, особенности высказывания, терминология. Особенности национальных историографий в способах концептуализации интеллектуальной истории.

Содержание практического курса

Методические рекомендации

Практические занятия являются важной составляющей учебного процесса в высшей школе и предназначены для углубленного изучения учебного курса. Практические занятия по учебному курсу (дисциплине) «Актуальные проблемы исторических исследований» преследуют следующие цели:

- углубление, систематизация и закрепление теоретической информации, полученной на лекциях;
- детальное изучение наиболее сложных вопросов программы учебного курса;
- выработка умений применять теоретические знания в практике будущей деятельности.
- развитие творческой инициативы и активности студентов.

Подготовка к практическому занятию включает:

- знакомство с темой и планом занятия;
- изучение конспекта соответствующей лекции (й) (в случае, если на практическое занятие выносятся проблематика нескольких лекционных занятий, объединенных смежной проблематикой); при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что на лекциях, как правило, рассматривается только наиболее значимая, проблемная часть материала учебного курса;
- изучение рекомендованной литературы, материалов электронных ресурсов; составление конспектов или выписок из соответствующих научных и учебных изданий с тем, чтобы иметь представление о выносимых на обсуждение проблемах занятия;
- подготовка ответов на вопросы темы практического занятия (см. план);
- обязательное ознакомление с ключевыми понятиями (рекомендуется выписать их значения) и персоналиями;
- подготовка к ответам на вопросы заданий для обсуждений, формирование собственного мнения по каждому вопросу;
- подготовка практико-ориентированных заданий.

Результатом подготовки в данном случае является анализ студентом проблемной ситуации и представление слушательской аудитории полученных результатов.

Темы практических занятий

Тема 1. Методологические основы глобальной истории

1. Возникновение и институционализация глобальной истории как направления исторических исследований.
2. Предмет глобальной истории. «Longue Duree» - методологическая основа направления.
3. Проблема периодизации глобальной истории.
4. Global History в системе современного исторического знания.

Ключевые понятия: «универсальная история», «новая мировая история», «новая межнациональная история», «новая глобальная история», «транснациональная история».

Персоналии: Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Г. Иггерс, Э. Ван, У. Мак-Нил, П. Мэннинг, Э. Вульф.

Задания для обсуждения:

- Каковы факторы, обусловившие появление глобальной истории?

- Охарактеризуйте глобальный историзм. Дайте оценку этому методу научного познания прошлого.

- Дайте определения понятий «Longue Durée», «Moyenne Durée», «Courte Durée». Является ли идея дифференциации исторического времени оправданной? Охарактеризуйте гносеологические истоки этой концепции.

- В чем заключается суть методики анализа проблемного поля глобальной истории?

Практико-ориентированные задания:

- Когда человек перестал быть демиургом: как модернизация изменила мир.

- «...Все пропало...» или проблема конца истории.

Литература

Абылгазиев И. И. Проблемное поле глобалистики: исследование глобальных процессов и систем [Текст] / И. И.

Абылгазиев, И. В. Ильин // Вестник Московского университета. Серия 27. – 2011. - №1-2. – С.7-13

Арриги Дж. Долгий двадцатый век / Дж. Арриги. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.; То же [Электронный ресурс]. – URL: https://www.e-reading.life/bookreader.php/135988/Dolgiii_Dvadcatyiy_Vek_Den%27gi%2C_Vlast%27_i_istoki_nashchego_vremeni.pdf (05.12.2019)

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории / Общ.ред. И. С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – 336 с.; То же [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Brod/01.php (05.12.2019)

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм, XV-XVIII: в 3-х тт. [Текст] / Ф. Бродель. – М., 2006. – Т.1-3

Загладин В. В. Глобальные проблемы современности: научный и социальные аспекты / В. В. Загладин, И. Т. Фролов. – М.: Международные отношения, 1981. – 238 с.

Ионов И. Н. Глобальная история и изучение прошлого в России [Текст] / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2011. - №5. - С.139-153

Ионов И. Н. Историческая глобалистика: предмет и метод [Текст] / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2001. - №4

Карпов С. П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития [Текст] / С. П. Карпов // Новая и новейшая история. – 2009. - №5. С.17-26

Костина А. В. Предмет и проблемное поле глобалистики [Текст] / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2005. - №3. – С.100-111; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-i-problemnoe-pole-globalistiki/viewer> (05.12.2019)

Репина Л. П. Историографическая наука на рубеже XX - XXI веков: социальные теории и историографическая практика/ Л. П. Репина. - М.: Круг, 2011. – 559 с.

Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин; Ин-т истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Ин-т истории и археологии УрО РАН, Ин-т всеобщей истории РАН, Ин-т востоковедения РАН, Дальневосточный федеральный ун-т, Российский госуд. гуманитар. ун-т. - Волгоград: Учитель, 2014. - 504 с.

Чубарьян А.О. Современные тенденции развития мировой исторической науки [Электронный ресурс]. - URL: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156426/brand_id/20898/ (свободный) (05.12.2019)

Шестова Г.Л. Глобальная история как направление научных исследований [Текст] / Г. Л. Шестова // Социально-гуманитарные знания. - 2011. - №6. - С.68-74; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://naukarus.com/globalnaya-istoriya-kak-napravlenie-nauchnyh-issledovaniy> (05.12.2019)

Шестова Г.Л. Истоки и перспективы глобальной истории // Вестник Московского университета. Серия 27. - 2011. - №1-2. - С.134-140

Тема 2. Гендерная история – часть исторической науки

1. Предпосылки складывания направления.
2. Предмет, задачи и основные понятия гендерной истории.
3. «Женские исследования» и рождение исторической феминологии.
4. «Мужские истории» и историческая андрология.

Ключевые понятия: гендер (пол-род), гендерные системы, гендерные режимы, «мир воображаемого» - представления о гендерных ролях и различиях, историческая феминология, историческая андрология.

Персоналии: Дж. Мани, Ж. Дюби, М. Перро, Р. Хоф, Дж. Скотт, Ш. Тобиас, Г.А.Тишкин, Э.А.Павлюченко, Н.Л.Пушкарева.

Задания для обсуждения:

- В чем заключается различие между «феминизмом равенства» и «феминизмом различий»?
- Приведите исторические примеры влияния на ценности, ожидания и восприятия гендера. Почему возникла дискриминация индивидов по признаку пола (сексизм)?
- Почему идее о биологической предопределенности жизни человека его полом был придан статус научности?
- Как связано изучение проблем массовых движений с исторической феминистикой?
- В чем заключаются трудности реконструкции «истории маскулинности»? Почему долгое время мужчины считались «непроблематизированной нормой», которую не стоит описывать?
- Какова специфика применения гендерного подхода в различных областях гуманитарного знания?

Литература

Вершинина Д. Б. Гендерные аспекты истории Запада: основные дискуссионные поля [Текст] / Д. Б. Вершинина // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – Вып.4(39). С.172-182; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-istorii-zapada-osnovnye-diskussionnye-polya/viewer> (05.12.2019)

Зайцева Т. И. К вопросу об исторических «женских» и гендерных исследованиях в Германии в контексте общего развития гендерной истории [Текст] / Т. И. Зайцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. - № 1(52). – С.98-104; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoricheskikh-zhenskih-i-gendernyh-issledovaniyah-v-germanii-v-kontekste-obschego-razvitiya-gendernoy-istorii/viewer> (05.12.2019)

Косых Е. С. Использование гендерной методологии в изучении истории [Текст] / Е. С. Косых // Инновационная наука. - 2017. - №4. - С.62-64; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ispolzovanie-gendernoy-metodologii-v-izuchenii-istorii> (05.12.2019)

Маслова И.В. Исторический феномен «смены ролей»: психологический аспект гендерной идентичности в истории [Текст] / И. В. Маслова, Н. И. Исмаилова // Историческая психология и социология истории. – 2015. - Том 8, №2. - С. 130-140; То же [Электронный ресурс]. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/395148/?sphrase_id=545118 (05.12.2019)

Пинчукова И.В. Гендерный подход в исторической науке [Текст] / И. В. Пинчукова // Известия Алтайского университета. - 2007. - №4-2(56). – С.117-120; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernyy-podhod-v-istoricheskoy-nauke> (05.12.2019)

Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы [Текст] / Н. Л. Пушкарева // Вопросы истории. - 1998. - №6. - С.76-86

Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России [Текст] / Н. Л. Пушкарева // Историческая психология и социология истории. – 2010. - №2. – С.51-54; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-i-gendernaya-istoriya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-v-rossii/viewer> (05.12.2019)

Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследований [Текст] / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. - 1997. - №6. - С.41-58

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. Ред. О.А. Ворониной. - М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. - 416 с.

Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.

Тукачева Ю. С. Развитие гендерной теории в истории образования [Текст] / Ю. С. Тукачева // Историко-педагогический журнал. – 2012. - №1. – С.134-141; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://readera.org/razvitie-gendernoj-teorii-v-istorii-obrazovanija-14038361> (05.12.2019)

Чикалова И. Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm> (05.12.2019)

Тема 3. Устная история как научное и социальное явление

1. Устная история как направление исторических исследований.
2. Методы устной истории.
3. Методика и технология создания устных исторических источников.
4. Использование устных исторических источников в научно-исследовательской работе и их интерпретация.

Ключевые понятия: устная история, история повседневности, устный исторический источник, интервью.

Персоналии: Джо Гулд, П. Томсон, А. Портелли, А. Хейли, Я. Вансин, Д. Берто, Л. Нитхаммер, М. А. Полиевктов, В. Д. Дувакин.

Задания для обсуждения:

- Что такое устная история? Раскройте суть дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории.
- Какие особенности отличают устную историю от других направлений исторических исследований?
- Согласны ли Вы с утверждением о том, что устная история несет в себе значительный «социальный заряд»?
- Возможно ли соотношение предлагаемых устной историей принципов изучения исторической действительности («человек в истории», «история в человеке», «человеческое измерение истории») с принципами других методологических подходов к изучению прошлого?
- В чем заключается вызов, брошенный устной историей? Насколько можно «доверять» устным историческим источникам?

Практико-ориентированные задания:

- Выберите какое-либо историческое событие новейшего периода истории. Исходя из актуальности темы и собственных интересов разработайте проект по устной истории.

Литература

Кротов Н.И., Липаев А.П. Устная история, или доктор память. – М.: АНО «Экономическая летопись», 2016. – 105 с.; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://letopis.org/wp-content/uploads/2016/10/КНИГА-30.08.16.pdf> (05.12.2019)

Кузнецов А.С. Устный исторический источник в отечественном источниковедении: его место и особенности // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. - 2017; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ustnyy-istoricheskiy-istochnik-v-otechestvennom-istochnikovedenii-ego-mesto-i-osobennosti> (05.12.2019)

Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2018. - Т. 63. - Вып. 2. - С. 522-545; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/13.pdf>. (05.12.2019)

Степанова В.С. Генезис понятия «Устная история» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. История. Исторические науки. - 2012; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/genezis-ponyatiya-ustnaya-istoriya> (05.12.2019)

Теория и методология истории: учебник для вузов /Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. - Волгоград: Учитель, 2014.

Теория и методология истории: учебник для вузов /Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. - Волгоград: Учитель, 2014. - 504 с.

Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. - Барнаул: АлтГПА, 2011. - 364 с.

Щеглова Т.К., Дрожецкий Д.А. Устная история (Oralhistory) в российской исторической практике 1920-1930-х гг.: к дискуссии о

понятии и времени возникновения устной истории // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и археология. – 2014. - №4-2(84). – С.254-260; То же [Электронный ресурс]. - URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-istoriya-oral-history-v-rossiyskoy-istoricheskoy-praktike-1920-1930-h-gg-k-diskussii-o-ponyatii-i-vremeni-vozniknoveniya-ustnoy/viewer> (05.12.2019)

Тема 4. Историческая память

1. Концепт «историческая память»: определение понятия, отличие от истории, «историческая» и «социальная» память, их функции.
2. Механизмы формирования и функционирования исторической памяти. Память и историописание.
3. Историческое сознание.
4. Научно-ориентированные и социально-ориентированные национальные истории. Оправдательные и обличительные мифы.

Ключевые понятия: историческое сознание, историческая культура, смысл истории, историческая память.

Персоналии: М. Хальбвакс, Адорно и Макс Хоркхаймер, П. Нора, Ф. Йейтс, Ж. Ле Гофф, Ян и Амейда Ассман, И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Л. П. Репина.

Задания для обсуждения:

- Порассуждайте о возникновении и эволюции парадигмы «Memory studies».
- Раскройте причины и следствия «мемориального поворота» в историографии.
- Как, на Ваш взгляд, соотносятся понятия «история» и «память»; «историческая память», «историческое сознание» и историческая культура?

- Какое значение для процесса формирования «позитивной идентичности» имеют историческое образование и историческая память?

- В чем заключается феномен так называемых «войн памяти» на постсоветском пространстве? Кто их участники? Раскройте причины борьбы с памятниками и памятью? В чем своеобразие этапов этих войн? Порассуждайте над вопросом почему миф все больше используется в качестве инструмента познания прошлого?

Практико-ориентированные задания:

- «Кто с мечом к нам придет...»: Александр Невский в русской культурной памяти.

- Политический анекдот и разоблачение политических мифов

- Утопия как историческая сила идеала.

Литература

Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - №6(361); То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoricheskaya-pamyat-i-mehanizmu-ee-formirovaniya-analiz-istoriograficheskikh-kontseptsiy-v-otechestvennoy-nauke> (05.12.2019)

Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А.Тишкова, Е.А.Пивневой. - М.: РАН, 2018; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2625.pdf> (05.012.2019)

Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. - 2003; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (05.12.2019)

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. - Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/181053-1-istoriya-kak-strogaya-nauka->

socialno-orientirovannoe-istoriopisanie-moskovskiy-gosuda.php
(05.12.2019)

Миллер А.И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма // Стратегия XXI // Совет по оборонной и внешней политике: сайт. [Электронный ресурс]. - URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-xxi/9997/#more-9997> (05.12.2019)

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. - 2004. - № 5.

Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106—126.

Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. - 2008; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://pish.ru/blog/archives/142> (05.12.2019)

Тема 5. Клиометрика

1. Клиометрика как наука. «Клиометрическая революция» 1960-70-х гг. и зарождение клиометрического подхода.

2. Историческая информатика и клиодинамика. Соотношение терминов «новая экономическая история» и «клиометрика».

3. Этапы клиометрического исследования. Построение контрфактических моделей.

Ключевые понятия: «клиометрическая революция», квантитативная история, контрфактическая модель.

Персоналии: Дж. Хьюгс, Л. Дэвис, С. Рейтер, Р. Фогель, Д. Норт, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, Л. И. Бородин.

Задания для обсуждения:

- Каковы предметное поле и основные задачи клиометрики?

- В чем отличие клиометрики от традиционных направлений экономической истории?

- Согласны ли Вы с утверждением о том, клиометрические модели имеют якобы тенденцию к искажению процесса отбора источников, будучи математическими моделями, они принимают во внимание только цифровые данные?

- Что такое клиодинамика и каковы перспективы этого научного направления?

Практико-ориентированные задания:

- «Не так ли ты над самой бездной.... Россию поднял на дыбы?»: Как выглядело бы Российское государство без петровских реформ?

- «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»: какое влияние оказали бы столыпинские реформы на экономику и общественное сознание Российской империи в случае их успешного завершения?

Литература

Болдырев И.А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 47-70. - [Электронный ресурс]. - URL: [https://igiti.hse.ru/data/2012/03/18/1264921089/Болдырев%20\(перетянутые\).pdf](https://igiti.hse.ru/data/2012/03/18/1264921089/Болдырев%20(перетянутые).pdf) (05.12.2019)

Бородкин Л.И. Клиометрика. Глава 22 // Теория и методология истории / Отв. ред. В.В.Алексеев, Н.Н.Крадин, А.В.Коротаев, Л.Е. Гридин. – Волгоград, 2014. С.440-446. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.academia.edu/15056129/Бородкин_Л.И._Клиометрика_Теория_и_методология_истории_Отв._ред._В.В.Алексеев_Н.Н.Крадин_А.В._Коротаев_Л.Е._Гридин._Волгоград_2014._С.440-446 (05.12.2019)

Бородкин Л.И. Клиометрика: proetcontra (виртуальный диалог) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB7/borodkin.htm> (05.12.2019)

Гусева Н.С. Математизация исторической науки: становление клиометрии в исторической науке во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. - 2013. -

№372. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/matematizatsiya-istoricheskoy-nauki-stanovlenie-kliometrii-v-istoricheskoy-nauke-vo-vtoroy-polovine-xx-v> (05.12.2019)

Саломатина (Ломова) С.А. Сорок лет американской клиометрики // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://aik.barnaul.ru/aik/krug/keh/lomova.shtml> (05.12.2019)

Саломатина (Ломова) С.А. Экономическая история и клиометрика: самоопределение научных направлений у нас и за рубежом // Новая и новейшая история. - 1997. - № 5. - С. 3-20.

Уильямсон С. История клиометрики в США (перевод А.Н.Полевой) // Экономическая история. Обзорение / Под ред. В.И.Бовыкина и Л.И.Бородкина. Вып. 1. М., 1996. С. 75-107. (Постраничные примечания); То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB1/willmson.htm> (05.12.2019)

Тема 6. Историческая биография и персональная история

1. Personal history: соотношение версий понятия и исследовательских стратегий, «персональной истории» и «истории вообще».

2. Интеллектуальная биография: человеческое измерение в интеллектуальной истории.

3. Источники и методология историко-биографических исследований.

Ключевые понятия: «персональная (индивидуальная) история», «интеллектуальная биография», «модальная биография», «контекстуальная биография», «герменевтический биографический жанр», «пограничные ситуации» в биографиях.

Персоналии: Д. Уокер, Дж. Леви, П. Бурдьё, М. Блок, Л. Февр, Л. Стречи, Л.П. Репина.

Задания для обсуждения:

- С чем связана популярность среди ученых жанра исторической биографии?

- «Кто делает историю: люди или обстоятельства?»

- Порассуждайте об утверждении французского историка Ж. Ле Гоффа о том, что «в середине XX века историческая биография перестала существовать». Как это соотносится с все возрастающим количеством историко-биографических исследований?

- Раскройте предметные особенности персональной истории. В чем заключаются проблемы жанра?

- Возможно ли совмещение макро- и макроанализа в биографических исследованиях?

- Согласны ли вы с утверждением В.Б.Голофаства о том, что «исторические формы общества и культуры осуществляются, образуются действиями индивидов на протяжении их жизни»? ответ обоснуйте, используя примеры биографий исторических деятелей.

Практико-ориентированные задания:

- Христианство на Руси: необходимость или случайность?

- Историческая личность и господин Случай: Как Петр III спас Пруссию от катастрофы.

- Случайность вытекает из необходимости: Колумб Америку открыл.

Литература

Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. - №25(279). История. Вып. 52. – С.133-136; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyue-metodologicheskie-problemy-biograficheskogo-issledovaniya-v-sovremennoy-istoriografii-1> (05.12.2019)

Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні; То же [Электронный ресурс]. - URL:

<http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/40020/15-Popova.pdf?sequence=1> (05.12.2019)

Попова Т.Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия// Человек в истории и культуре / отв. ред.: А. А. Пригарин; НАН Украины, Ин-т археологии [та ін.].- Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память Владимира Никифоровича Станко. – Одесса: Смил, 2012. С.540-563; То же [Электронный ресурс]. - URL:

<http://dspace.onu.edu.ua:8080/jspui/bitstream/123456789/7194/1/540-563.pdf> (05.12.2019)

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011

Репина Л.П. Персональные тексты и "новая биографическая история": от индивидуального опыта к социальной памяти // «Сотворение Истории: Человек - Память - Текст» (2001); То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.istbessmertie.narod.ru/statrepina.htm> (05.12.2019)

Соколов А.С. Биография в истории: проблемы и перспективы // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. - 2005; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/biografiya-v-istorii-problemy-i-perspektivy> (05.12.2019)

Тема 7. «Новая научная история»

1. «Новая научная история»: возникновение, методология, акценты.
2. Новые: политическая, социальная, экономическая истории.
3. Интеллектуальная история, история повседневности.
4. Историческая антропология.

Ключевые понятия: «новая научная история», «лингвистический поворот» в истории, постмодернизм и историческая наука.

Персоналии: К. Гинзбург, Дж. Леви, А. Людтке, Х. Медик, М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Р. Фогел, Х. Уайт, С. Энгерман, Д. Ратмен, Э. Хобсбоум, Э. Томпсон, Дж. Рюде, В. Конце, Х. У. Велер, Ю. Кокка, А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, И. Д. Ковальченко.

Задания для обсуждения:

- Поясните, почему «новая историческая наука» является наиболее влиятельным и масштабным движением в неклассической исторической науке? В чем заключаются причины возникновения этого направления исторической мысли?

- Рассмотрите, как протекала «методологическая революция» 1960-1970-х гг.

- Чем были вызваны структурная перестройка исторических дисциплин и появление новых направлений?

Практико-ориентированные задания:

- Психологический портрет европейца эпохи колониальных захватов.

- Человек отдыхающий: жилое пространство дома в эпоху средневековья.

- Человек общающийся: новые направления исследования традиционных этикетных норм общения внутри микросоциума, их трансформации в условиях модернизации.

Литература

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // НЛО. – 2005. - №5; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (05.12.2019)

Ерохин В.Н., Шарифжанов И.И. Социальная история и ее познавательные возможности в изучении истории Реформации в Англии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Серия «История». – 2015; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-istoriya-i-ee-poznavatelnye-vozmozhnosti-v-izuchenii-istorii-reformatsii-v-anglii> (05.12.2019)

Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. – 1993. – Вып.1. – С.163-181; То же [Электронный ресурс]. – URL: https://igiti.hse.ru/data/108/314/1234/1_4_2Sied.pdf (05.12.2019)

Кром М.М. Историческая антропология. – СПб-М.: Изд-во Европейского университета, 2010. – 214 с.

Ноздринов В.В. Перспективы интеллектуальной истории в рамках новых направлений историографии // Научная мысль Кавказа. – 2017. - №1. – С.87-90; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-intellektualnoy-istorii-v-ramkah-novyh-napravleniy-istoriografii/viewer> (05.12.2019)

Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи// Диалог со временем. – 2008 – Вып.22. – С.5-15; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-22.pdf> (05.12.2019)

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011

Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. – 2008 – Вып.25/1. – С. 15-53; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-25-1.pdf> (05.12.2019)

Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

Тема 8. Лженаучные модели прошлого

1. Рубеж XX-XXI веков и вызовы времени: расцвет лженаучных построений в гуманитаристике.

2. Особенности создания и структура лженаучных построений (мифы как истина, поиск недостающих фактов).

3. Ревизии древней истории: Л.Н.Гумилев, М.Аджи, А.Асов, Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко).

4. Ревизии хода и итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Ключевые понятия: лженаучные построения.

Задания для обсуждения:

- В чем заключаются причины популярности псевдонаук?
- Каковы признаки псевдонаучной теории?
- Почему историческая наука является удобным объектом для лженаучных построений?

Практико-ориентированные задания:

- Докажите невозможность какого-либо уже произошедшего исторического события.

Литература

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Танаис, 1994. – 544 с.

Гусева Н.С. Математическое моделирование исторических процессов, междисциплинарный синтез и проблема фальсификации истории (в контексте применения математических методов к древней и средневековой истории группой А.Т.Фоменко – Г.В.Носовского) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История и археология». – 2014. - №8(337). – 111-116; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matematiceskoe-modelirovanie-istoricheskikh-protsessov-mezhdistsiplinarnyy-sintez-i-problema-falsifikatsii-istorii-v-kontekste/viewer> (05.12.2019)

Денисов С.Ф., Денисова Л.В. Феномен околонуучного знания // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. - №4(63). – С.54-58; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-okolonauchnogo-znaniya/viewer> (05.12.2019)

Конопкин А.Н. Особенности структурирования околонуучного знания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. – 2009. - №3(11). – 39-47; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strukturirovaniya-okolonauchnogo-znaniya/viewer> (05.12.2019)

Кошеленко Г.А., Маринович Н.П. Лысенковщина, фоменковщина – далее везде? - [Электронный ресурс]. - URL: <https://web.archive.org/web/20130709041916/http://www.pereplet.ru/gorm/fomenko/koshel2.htm> (05.12.2019)

Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Пятой международной научно-практической конференции имени В.Л.Гинзбурга и Э.П.Круглякова, проходившей 4-5 июля 2017 г. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2017. – 124 с.; То же [Электронный ресурс]. - URL: http://klnran.ru/wp-content/uploads/2018/05/Sbornik_2017_final_5_MY.pdf (05.12.2019)

Робустова Е.В. Фольк-хистори как проблема интерпретации и критики источников: уроки историописания постсоветского периода // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Том 9, №2/2. – 93-99; То же [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folk-histori-kak-problema-interpretatsii-i-kritiki-istochnikov-uroki-istoriopisaniya-postsovetskogo-perioda-1990-e-nachalo-2000-h-gg/viewer> (05.12.2019)

Флиер А.Я. Маргинальные поля знания: поп-наука // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. - №5(49), сентябрь-октябрь. – С.12-13; То же [Электронный ресурс] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnye-polyaznaniya-pop-nauka/viewer> (05.12.2019)

Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического знания // Исторические записки. – 2003. - № 6 (124). – С. 342-387

Задания для самостоятельной работы студентов

Самостоятельная работа студентов (далее - СРС) – предусмотренная учебным планом подготовки магистров учебная и учебно-исследовательская работа, которая выполняется во внеаудиторное время по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но не предполагает непосредственную передачу знаний со стороны последнего. Кроме того, СРС является дидактическим средством развития готовности к профессиональному самообразованию, средством приобретения навыков и компетенций, соответствующих компетентностной модели магистра.

В ходе самостоятельной работы студенты повторяют и закрепляют уже пройденный материал аудиторных занятий, осваивают новый теоретический материал по изучаемой дисциплине, применяют полученные знания в ходе практической деятельности (подготовка различных видов письменных работ).

Письменная работа готовится в произвольной форме

Поскольку учебная дисциплина «Актуальные проблемы исторических исследований» ориентирована на изучение теоретико-методологической базы исторической науки, то в ходе самостоятельной работы значительное внимание уделяется учебно-исследовательской работе студентов. Данный вид СРС опирается на сравнение, анализ, классификацию, синтез, систематизацию изучаемых фактов и явлений. Одним из видов учебно-исследовательской работы является подготовка эссе.

Эссе – сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Основной целью эссе является развитие самостоятельного творческого мышления и отработка умений письменно излагать собственные мысли по тому или иному поводу, предмету и т.д. Являясь по своему характеру написанным в свободной форме очерком, эссе не имеет большого объема и, как правило, занимает от 2 до 5 страниц.

Несмотря на то, что эссе носит творческий характер, все же рекомендуется придерживаться следующей его структуры:

1. вступление (фокусируется на постановке проблемы);
2. тезисы и аргументы;
3. заключение (излагается мнение автора по избранной проблеме).

№ п/п	Название раздела / темы	Вид самостоятельной работы
1	Предмет истории	Подготовка письменной работы
2	Историческая теория	Подготовка письменной работы
3	Социальные функции исторической науки	Подготовка эссе-размышления
4	Историческое познание и современность	Подготовка письменной работы
5	Принципы исторического познания	Подготовка эссе
6	Историческое сознание	Подготовка письменной работы
7	Макроистория: современные подходы и течения	Подготовка письменной работы
8	Методологические основы микроистории	Подготовка письменной работы
9	Позиция историка в научно-историческом исследовании	Собеседование

Вопросы к зачету

1. Основные критерии актуальности современного исторического исследования.
2. Современные дискуссии о профессионализме историка и предмете истории.
3. Исторический источник в свете новых научных концепций.
4. История как наука: предмет, объект, задачи исторического исследования.
5. Место научной проблемы в структуре исторического исследования.
6. Модели исторического исследования.
7. Научные подходы в изучении истории.
8. Методологические основы и принципы применения дисциплинарных методов социальных наук в истории.
9. История и историческая память.
10. Проблемы хронологии и периодизации в историческом исследовании.
11. Дискурс о темпоральности истории.
12. Социальная и этнокультурная идентичности в историческом объяснении.
13. Роль сравнительной истории в современных условиях развития мировой исторической науки.
14. Научная проблема в структуре исторического исследования.
15. Модели исторического исследования.
16. Многообразие научных подходов в изучении истории.
17. Междисциплинарность современного исторического познания.
18. Методологические основы и принципы применения дисциплинарных методов социальных наук в исторических исследованиях.
19. Историческая наука и современное общество. Социокультурная роль истории.
20. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: состояние и перспективы.

21. Микроистория в проблемном поле исторической науки.
22. Устная история: своеобразие источников, методика исследований, перспективы.
23. История повседневности.
24. Историческая феминология.
25. Историческая андрология.
26. Историко-антропологический подход в изучении феноменов прошлого.
27. Локальная история, региональная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания.
28. Глобальная история и ее возможности.
29. Глобальная или глокальная история?
30. Интеллектуальная история: предмет, задачи, методы направления.

Система оценивания учебных достижений студентов очной формы обучения

Вид учебной работы	Количество баллов
Работа на практических занятиях	50
Самостоятельная работа	25
Зачет	25
Итого	100

Рекомендованная литература

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени: пер. с англ. / Дж. Арриги. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - 472 с.

Биск И.Я. Методология истории: курс лекций / И.Я.Биск [Текст]. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. - 236 с. - То же То же [Электронный ресурс] - URL:http://www.pseudology.org/History/Bisk_Lekcii2.pdf

Бок Г. История, история женщин, история полов / Г.Бок // THESIS. - 1994. - Вып.6. - С.170-200

Болдырев И.А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений / И.А.Болдырев // Журнал новой экономической ассоциации. - 2011. - №9. - С.47-70

Бориснев С.В. Современные проблемы исторического исследования / С.В.Бориснев [Текст] // Армия и общество. - 2010. - №3(23). - С.81-87; То же [Электронный ресурс] - URL:<https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-problemy-teorii-i-metodologii-istoricheskogo-issledovaniya>

Бурдые П. Экономическая антропология. Курс лекций в Колеж де Франс (1992-1993): пер. с фр. / П.Бурдые . - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. - 416 с.

Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М.Дингес // Одиссей-2000. -М.: Наука, 2000. - С.96-124

Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / И.Н.Ионов. - М.: Аквилон, 2015. - 464 с.

Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И.Н.Ионов - М.: Наука, 2007. - 499 с.

Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под общ. Ред. З.А.Чеканцевой. - М.: Аквилон, 2019. - 416 с.

Историческая память и российская идентичность. Коллективная монография / под ред. В.А.Тишкова, Е.А.Пивневой. - М.: РАН, 2018. - 508 с.

История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества : материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03-14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru / [од общей редакцией В.В.Керова]. - М.: Московский общественный научный фонд, 2001. - 416 с.

История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков : сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. - Челябинск: Энциклопедия, 2011. - 512 с.

Клио и логос: история и культурология в пространстве взаимодействия: сборник статей и тезисов докладов [Тескт] / Ответственные редакторы: А.В.Бондарев, А.А.Хлевов. - Санкт-Петербург: Астерион, 2017. - 184 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д.Ковальченко, 2-е изд., доп. - М.: Наука, 2003. - 486 с.

Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие / М.М.Кром, 3-е изд., испр. и доп. - СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. - 214 с.

Ле Гофф Ж. История и память: пер. с фр. / Жак Ле Гофф. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. - 303 с.

Майдачевский Д.Я. Меняющееся пространство экономической историографии: от «расширенной библиографии» к дисциплинарной истории / Д.Я.Майдачевский. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. - 152 с.

Менщиков И. С. Введение в методологию истории: учебное пособие – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 208 с.; То же [Электронный ресурс] - URL:http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4164/Менщиков-ИС_2015_УП.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Менщиков И.С. Введение в методологию истории: учебное пособие / И.С.Менщиков . - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. - 208 с.

Основы теории исторического знания: учеб. Пособие для студ. негуманитарных специальностей вузов / М.Ф.Румянцева, Л.Б.Сукина. - Переяславль-Залесский: «УГП имени А.К.Айламазяна», 2017. - 128 с.

Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого / А.Е.Петров // Новая и новейшая история. - 2004. - №3. - С.36-59

Про А. Двенадцать уроков по истории / А. Про. - М.: Российск. Гос. гуманитар. Ун-т, 2000. - 336 с.

Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. Ред. Л.П.Репиной. - М.: Аквилон, 2017. - 560 с.

Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. - 2-е изд., стереотип. - М.: Дрофа, 2006. - 288 с.

Репина Л.П. «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков [Электронный ресурс] / Л.П.Репина // Электронный научно-образовательный журнал «История». - 2013. Выпуск 2 (18): Теория и методология современной исторической науки. - Режим доступа: https://www.academia.edu/11667165/Историографическая_революция_и_теоретические_поиски_на_рубеже_веков_Revolution_in_historiography_and_theoretical_elaborations_at_the_turn_of_the_centuries

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П.Репина. - М.: Кругъ, 2011. - 560 с.

Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований / Л.П.Репина // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008-2013 год. - М.: Наука, 2014. - С. 206-231

Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории / Е.А.Ростовцев // Вестник СПбГУ. История. - 2018. - Т.63. - Вып.2. - С.522-545

Савельева И.М. История и время. В поисках утраченного / И.М.Савельева, А.В.Полетаев. - М.: «Языки русской культуры», 1997. - 800 с.

Савельева И.М. Теория исторического знания: Учеб. пособие / И.М.Савельева, А.В.Полетаев.. - СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. - 523 с.

«Стены и мосты» - II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 13–14 июня 2013 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.), М.М. Кром, Б.Н. Миронов, И.М. Савельева, В.А. Шкуратов, Е.А. Долгова. - М.: Академический Проект, 2014. - 248 с.

«Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13-14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. - 343 с.

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А.Ворониной. - М.: МЦГИ - МВШСЭН - МФФ, 2001. - 416 с.

Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В.Алексеев, Н.Н.Крадин, А.В.Коротаев, Л.Е.Гринин. - Волгоград: Учитель, 2014. - 504 с.

Удальцов В.Г. Необходимое и случайное в исторических явлениях / В.Г.Удальцов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». - 2014. - №2. - С.21-28

Феномен прошлого / Отв. ред. И.М.Савельева, А.В.Полетаев; Гос. ун-т- Высшая школа экономики. - М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. - 476 с.

Чеканцева З.А. «Нарративное» время историка / З.А.Чеканцева // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы. - М.: Издательство ЛКИ. 2011. - 608 с.

Чеканцева З.А. Историческое измерение идентичности. Размышления о призраке [Электронный ресурс] / З.А.Чеканцева // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2017. - 2017. - Вып. 9(63). - Т.8 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой

опыт формирования общегражданской идентичности». - Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840002011-1-1>

Чеканцева З.А. Коллективная память и история / З.А.Чеканцева // Преподаватель XXI век. - 2015. - №4. - С.229-239

Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом. Историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски / З.А.Чеканцева // Диалог со временем. - 2014. - Вып. 48. - С.16-30

Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие / Т.К.Щеглова. - Барнаул: АлтГПА, 2011. - 364 с.

Электронные ресурсы

Библиотека Якова Кротова - https://si-sv.com/dir/biblioteka_jakova_krotova/3-1-0-196

Историческая память. Фонд содействия актуальным историческим исследованиям - <http://historyfoundation.ru>

Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» - <https://cyberleninka.ru>

Научно-образовательный центр «Новая локальная история» - <https://www.newlocalhistory.com>

Научно-образовательный центр устной истории - <http://historyvoice.ru>

Российское общество интеллектуальной истории. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории - <https://roii.ru/publications/dialogue>

Устная история - онлайн-архив мемуарных бесед - <http://oralhistory.ru>

Центр устной истории Тюменского государственного университета - <https://www.utmn.ru/ihss/about/struktura-instituta/kafedry/kafedra-otechestvennoy-istorii/tsentr-ustnoy-istorii/>

Columbia Center for Oral History Research - <https://www.ccohr.incite.columbia.edu>

History and Theory - <https://www.historyandtheory.org>

The Cliometric Society - <https://www.cliometrics.org>

Приложения

Методологические основы глобальной истории

ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ - *направление исторической науки*, возникшее в конце XX в. как ответ на вызов процесса глобализации, из-за неудовлетворенности традиционной «всеобщей историей» и стремления преодолеть ограниченную практику национальногосударственной истории. Г. и. предполагает универсальность по форме, глобальность по масштабу и научность по методам (D. Christian). Со второй половины XX в. европоцентристская модель «всеобщей истории» все чаще подвергалась критике историками, которые искали ответы на вызовы времени, в том числе, связанные с процессом деколонизации, но не находили их ни в марксистской концепции истории, ни в теории модернизации, европоцентристской по своей сути. «Постколониальная история» стала антиевропоцентристской, что не позволяло изучать историю всего мира даже на том уровне, на котором это делала критикуемая традиционная «всеобщая история». Поэтому, с конца XX в. историки начали ставить вопросы о новой модели «универсальной истории», о «новой мировой истории», «новой межнациональной истории», «новой глобальной истории» и «транснациональной истории». С начала XXI в. исследователи ведут споры об определениях и о разграничении предметных областей новых историй, отвечающих принципам «универсальной истории» (C. A. Bayly, S. Beckert, M. Connelly, I. Hofmeier, W. Kozol, P. Seed): если для «новой межнациональной истории» предлагается исследовательское поле истории миграционных процессов, для «транснациональной истории» выделяют проблематику широкомасштабных социокультурных процессов, в которые были втянуты не только многие народы мира, но и разные континенты и части света (например, европейская колонизация XV-XX вв.), то глобальную историю связывают с историей процессов глобализации, которые начинаются в позднее средневековье или ранее новое время. В ситуации постпостмодерна (начало XXI в.) начат поиск актуального коэксистенциального целого человечества,

предпринимаются попытки изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локасами; мир осмысливается в единстве его многообразия на основе *компаративных подходов*, осознается необходимость *конструирования* как глобального, так и глокального субъектов исторического действия. Г. и. предполагает изучение локальных процессов с глобальной точки зрения, находя их общие черты, но одновременно выделяя то, что отличает их от других, - уникально-локальное. Ставится проблема изучения множества разноуровневых культурных контактов как составляющих процесса возникновения глобальной культурной сети (О. К. Fait). Г. и. видится как история большая, чем простая сумма частных историй, поэтому многие историки связывают надежды с предполагаемой способностью глобальной истории предложить эффективную альтернативу «героическим национальным нарративам» традиционной *историографии*. Следует подчеркнуть, что Г. и. направлена не на познание некоторых общих принципов или смысла истории, а на *описание событий* и *сравнительный анализ процессов*. Представители глобальной истории, осознающие, что глобализация не тождественна процессу *конвергенции*, не говоря уже о гомогенизации, а включает многие варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам, признают первоочередной задачей глобальной истории *интерпретацию* взаимодействия между локальным и универсальным (Л. П. Репина). Таким образом, глобальную историю ассоциируют с движением к взаимосвязанному миру, к практике исследования мировой культуры, которая характеризуется активным взаимодействием между локальными и национальными культурами, непрерывным потоком культурных влияний во всех направлениях. Известным периодическим изданием по проблематике глобальной истории является «Journal of Global History» (издается с 2006 г.).

Ким О.В., Мловичко С.И. Глобальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. - М.: Аквилон, 2014. - С.79-81

ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ - важнейший «материал», с которым работает историк. «Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника», - писал Фернан Бродель. Однако историческое время, особенно «время историка» долго оставалось «немыслимым» компонентом историографической операции (Мишель де Серто). Лишь в XX веке, размышляя о философских апориях категории *время* (Аристотель, Платон, Августин, Декарт, Кант, Ницше, Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер), ученые стали задумываться о природе исторического времени и его роли в *историческом процессе* и *историческом исследовании*.

Примерно с середины 1930-х годов историки различают календарное время и И. в. Календарное время - это время астрономическое, однородное, формальное, непрерывное, количественное, время календарей и часов. Хронологическое время, представленное в виде абсцисс и графиков или в составленных историками таблицах дат, - это лишь инструмент, позволяющий наблюдать / фиксировать / упорядочивать различные изменения и сравнивать их. Но это - не время истории. Это условное, конвенциональное, хронологическое время, поскольку любая хронология - порождение определенной культурной ситуации и воплощение конкретных эвристических задач.

История имеет собственное время, точнее времена, внутренне присущие изучаемым *процессам*; им свойственны особые ритмы, связанные не с астрономическими или физическими явлениями, но порожденные специфической природой изучаемых *исторических «объектов»*. И. в. - это темпоральное воплощение социального. Время, конституирующее опыт: содержательное, качественное, прерывающееся, относительное. Оно неоднородно, гетерогенно, многомерно.

Каждая *историческая реальность* - процесс, отношение, связь, явление - функционирует в русле только ей присущего исторического времени. Такое понимание исторического времени было введено в науку Ф. Броделем. Изучение в *исторических исследованиях* множества исторических длительностей показало, что время отнюдь не является неким нейтральным полотном, на

котором располагаются «факты» прошлого. Время не существует, хотя оно и вездесуще, это *конструкция*. «Переоткрыв» в прошлом веке время как специальный объект своей науки, историки в материале обосновали мысль, что И. в. - это время человеческое, социальное. В русле *истории мен тальностей* удалось выявить, как менялись представления о времени от века к веку, от одной культуры к другой. Исследование *повседневности* показало, что восприятие времени сильно различается в поколениях.

Микроистория позволила понять, что даже внутри одного поколения темпоральные установки могут быть разными, более того, они неизбежно не совпадают у разных людей: сколько людей, столько индивидуальных *темпоральностей*.

Время - важнейшая составляющая *историописания* и на стадии *репрезентации* материала. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания», о которых писал Р. Козеллек, сближаются при посредничестве историка в *нарративе*, текстуальном воплощении профессионального опыта историка. В этой связи П. Рикер говорил о том, что рассказ является «хранителем времени», поскольку мыслимое время возможно лишь в том случае, если оно рассказано. Освоение проблематики, порожденной *лингвистическим поворотом*, позволило представить по-новому многие аспекты нарратива. В частности, решая проблему связи субъективного и объективного времени, историки перефигурируют время в различные соединительные устройства. Один из таких важных в ремесле историка посредников - это хронология и даты, второй – глагольные формы в *нарративе*, использование которых позволяет приблизить прошлое к настоящему, т. е. к читателю исторического труда. Наконец, таким медиатором может стать след, материальный или идеальный, оставленный прошлым и сохранившийся в настоящем. Такой след стал основой известного проекта Пьера Нора о «местах памяти».

Чеканцева З.А. Время историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. - М.: Аквилон, 2014. - С.59-60

Гендерная история – часть исторической науки

Начало интенсивного развития гендерной истории относится к 1990-м гг. и совпадает с изменением предмета исторических наук. Вместо «структур большой длительности» интерес ученых обратился к конкретным судьбам обычных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографических штудий, напичканных цифрами и графиками, стали публиковаться историко-литературные эссе, авторы которых размышляли о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории (см. также главу 13 настоящего издания). Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. Изменилось и отношение к «социальному полу», гендеру: категория принадлежности к нему наравне с принадлежностью к определенному этносу (расе) и классу (социальной страте) стала одним из критериев идентификации общего – гендер, этнос и класс в некоторых работах стали именовать «святой троицей». Наконец, без интереса к языку и внеязыковым дискурсам трудно представить работы по культурной и интеллектуальной истории. Они заставили сместить центр исторического повествования с вопроса «Что было?» на вопрос «Как записано?», с вопроса о реалиях – на вопрос об опосредованиях (agency) и опосредователях реалий.

Все эти перемены и позволили сформироваться и развиваться действительно гендерной истории, которая была призвана объединить историю женщин, историю мужчин, историю сексуальности и историю квир-сообществ. Объединительная сущность гендерной истории очевидна, но не проста. К этому этапу развитие направления прошло четыре стадии: 1) внимания к «истории борьбы» женщин против мужского миропорядка; 2) интереса к новому пониманию власти; 3) призывов изучать не «подчинение»/«подавление», а «различия», чтобы, наконец, прийти

к новой 4) стадии признания необходимости обновления методологии.

Предмет гендерной истории – это история складывания и функционирования отношений и взаимодействий, стратифицирующих общество по признаку пола, история представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка, история самопредставлений мужчин, женщин, сексуальных меньшинств. «Гендерная история – это история того, как общества прошлого и живущие в них мужчины и женщины относились к дифференциации полов, как они описывали эту дифференциацию, какое значение они ей придавали», – считает германский историк Г. Бок. Американские (и феминистски ориентированные российские) историки подчеркивают именно властную составляющую в этой дифференциации, указывая на необходимость не столько описания дифференциаций, сколько изучения иерархий – как в обществе, так и внутри каждого из полов.

Представления об особенностях аналитических методов, характеризующих общий подход гендерной истории, или, точнее, гендерной экспертизы социально-исторических явлений, в западной и отечественной историографии еще не согласованы. Среди признанных аналитических процедур – прежде всего этнографический метод включенного наблюдения (когда исследователь, анализируя то или иное явление, одновременно ведет наблюдение за рассказчиком и, в феминистской методологии, за самим собой – иными словами, «инсайдерство», позиционирование себя внутри исследуемого явления). Сторонники гендерной истории, изучающие хорошо обеспеченные источниками исторические периоды, предпочитают качественную методологию формально-количественному описанию, анализ биографий и интервью – цифрам и графикам, которые, с точки зрения некоторых ученых, скорее типичны для официальной, традиционной науки, ориентированной на мужскую систему ценностей и систему доказательств (андроцентричную). Отказ от «дизайна объективности» в пользу исследований эмпатических, то есть наполненных чувствами и сопереживанием, – еще один

методический подход сторонников гендерной истории. Они уделяют большое внимание авторским интерпретациями событий и явлений. Как это типично для историографии постмодерна, сторонники гендерной истории предлагают перемещение от субъектов к дискурсу, от конкретных событий – к фону, который их создавал и опосредовал, считая нужным изучить не столько «как оно было», сколько «как об этом было рассказано» (и кем).

Поскольку гендерная история родилась под влиянием женских исследований и женского движения, сторонники ее используют все способы коллективной совместной работы: организуют большие международные проекты, проводят конференции. Они считают такую коллективность противовесом «маскулинистской историографии», в которой господствует конкуренция, стремление каждого отдельного исследователя стать главой направления, создав свою научную теорию, и навязать свою точку зрения.

<https://www.socionauki.ru/book/files/tmh/287-311.pdf>

Устная история как научное и социальное явление

Устная история – довольно молодая научная дисциплина, сформировавшаяся в середине XX в., однако истоками она уходит в далекое прошлое. В ее определении существует много дискуссионных моментов. Во-первых, сложно точно указать предмет изучения. Во-вторых, часто поднимается вопрос о самостоятельности устной истории как научной дисциплины: кто-то воспринимает «устную историю» как устную информацию в разных формах – от слухов и воспоминаний до былин, кто-то признает ее новым методом исторических исследований, другие видят в ней новационное направление исторических исследований или новую историческую дисциплину.

Устная традиция, бесспорно, является самой древней формой трансляции информации от человека к человеку, от поколения к поколению. Устный источник был первым историческим источником, нашедшим применение в исследовательской практике. Свидетельства очевидцев событий в своих трудах использовали еще древнегреческие и римские историки: Геродот, Плиний, Тацит и др. После появления

письменности и письменных источников, книгопечатания и архивохранилищ приоритет устной традиции был утерян, устный источник отошел на второй план.

Вторая половина XX столетия стала периодом становления устной истории как самостоятельной отрасли исторической науки. Иногда историки называют этот период «ренессансом» или «возрождением» устной истории. Среди целого комплекса причин, условий и факторов ее оформления следует выделить три. На первом месте стоит появление и совершенствование технологий записи и хранения аудио- и визуальной информации. Появление фонографов на рубеже XIX–XX вв., массовое производство магнитофонов со второй половины XX в., появление доступной цифровой аудио-и видеотехники с конца XX в. сделало фиксацию устных свидетельств надежной и доступной для широкого круга исследователей и сняло проблему недоверия к исследователю, ранее фиксировавшего устную информацию вручную.

Вторая причина, гносеологическая, заключалась в наступившем в середине XX в. кризисе традиционной позитивистской истории и в так называемых междисциплинарных переворотах второй половины XX в. (лингвистическом, социологическом, антропологическом и др.), приведших к пересмотру предмета, методов, принципов, теорий, методологий и источников исторических исследований. В поле зрения академической науки попали ранее игнорировавшиеся проявления прошлой жизни – образ жизни людей, их поведение, ментальность, идентичность, этничность, жизненные установки, представления, оценки ими событий, слухи, повседневность и др. Расширение и усложнение исследовательского поля привело к усилению междисциплинарных связей истории с другими социальными и гуманитарными науками. На стыке междисциплинарных исследовательских технологий и/или вследствие заимствования методов исследования этих наук зарождались новые субдисциплины или направления исторических исследований. Устная история обязана своим возникновением взаимодействию истории прежде всего с социологией, лингвистикой, культурной антропологией.

На третьем месте среди факторов формирования устной истории стоит комплекс проблем, связанных с состоянием источниковой базы исторических исследований. В силу объективных и субъективных причин сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий фонды государственных архивохранилищ оказались не готовы к новым запросам историков. Во-первых, они были укомплектованы преимущественно официальными документами, отражающими государственную жизнь, делопроизводственной документацией, статистической информацией по функционированию государства, больших социальных групп, экономическому развитию и т. п. В них отсутствовал «человеческий материал», необходимый для полноценной реконструкции исторической жизни. Во-вторых, советские государственные архивы в условиях тоталитаризма, волюнтаризма, партийно идеологической цензуры XX в. жестко контролировались. Регламентировался доступ ко многим тематическим коллекциям документов, засекречивались дела и фонды. Во многих темах образовались так называемые «белые пятна», или «лакуны». В результате документы даже по такому массовому историческому явлению, как раскулачивание и репрессии, оказались недостаточно пригодными для исторического анализа. Большинство их написано по единому шаблону и различается только именами, фамилиями, датами и местами рождения. Трафаретностью отличаются и немногочисленные документы личного происхождения, например воспоминания красных партизан, ветеранов войны и труда. В-третьих, крайне скудно комплектовались архивы в 1990-2010 гг. В результате совпадения двух процессов: реструктуризации и децентрализации архивов, с одной стороны, и начавшейся приватизации, реструктуризации предприятий, учреждений, организаций, с другой стороны — значительная часть документов погибла. Это создало огромные трудности для историков, занимающихся постсоветской историей. Практически остались без письменных документов все перестроечные и постсоветские эксперименты в банковской и промышленной сферах, в аграрном секторе и т. д.

Эти и еще целый ряд причин и условий способствовали возникновению устной истории сначала как нового подхода к изучению исторического прошлого, а затем как самостоятельной исторической дисциплины. Наиболее простое и доступное определение принадлежит А. И. Филюшкину, который определяет устную историю исключительно как «научную дисциплину, обладающую собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек». Однако оно не дает характеристики аспектов, позволяющих признать устную историю самостоятельной дисциплиной. Можно было бы ограничиться формулировкой, согласно которой устная история как сфера социогуманитарных исследований изучает человеческое общество, а как сфера исторических исследований — его прошлое. Но правильнее сказать, что устная история изучает не столько прошлое человеческого общества, сколько человеческое общество в прошлом, а точнее, представителей конкретного сообщества или социума, составляющих единое общество в определенный отрезок времени.

Конечно, как известно, «определение границ конкретного общества столь же неразрешимо, сколь и задача разграничения исторических эпох». Но особенностью устной истории является изучение не только людей того или иного исторического времени, но и — вместе с ними — самого этого исторического времени, что позволяет видеть прошлое совершенно по-новому: не так, как оно интерпретируется в официальных изданиях, схематично излагается в учебных пособиях или оценивается политиками или идеологами. В определенном смысле устная история не столько вооружена конкретными фактологическими (событийными) знаниями об обществе, сообществе, сколько формирует иное восприятие исторической действительности, дает иные способы оценок прошлого.

В этом смысле устная история не является дисциплиной с устойчивой суммой знаний, которые можно передавать, как это делает бытовая, экономическая или политическая история. Устная история, как и ментальная, гендерная или повседневная история,

отличается собственным путем исследования и проникновения в прошлое, при этом, как и все дисциплины, она имеет свои методы получения данных и их анализа, тематику и проблематику, собственную источниковую базу, теоретические и методологические подходы. Это позволяет определить устную историю как историческую дисциплину, отличающуюся собственным концептуальным подходом к изучению исторической действительности через «человека в истории», «историю изнутри» в интерпретации ее массовыми участниками («история снизу», демократический подход) и представителями «высших этажей» общества (элитарный подход), изучающую «человеческое измерение истории» и имеющую собственные методы исследования, основанные на опросе, прежде всего путем организации исследовательских интервью с участниками и очевидцами исторических событий, явлений и процессов, для создания нового типа источника - устных исторических источников, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом.

При этом необходимо отметить, что устная история как консолидированное самостоятельное направление исторических исследований опирается на прочные междисциплинарные связи, а дифференцируясь по тематическим и предметным полям, она может использоваться как метод и источник в других, таких же синтезированных исторических дисциплинах и направлениях, а также социогуманитарных исследованиях (социальная история, историческая психология). Однако устная история вторгается и в такие сугубо консервативные исторические дисциплины, как экономическая история, история науки и техники и др. В синтезированном или интегрированном виде она вбирает в себя все эти междисциплинарные связи и образует самостоятельное предметное поле. Любой устноисторический тематический проект или научно-исследовательская программа в комплексе отражает прошлое глазами очевидцев и участников истории новейшего времени. Следовательно, дальнейшее развитие устной истории и совершенствование научно-методического материала способствует развитию других исторических дисциплин и социально-

гуманитарных наук, равно как и успехи самой устной истории зависят от них. На современном этапе устная история имеет колоссальное развитие в мире и получила признание в академической науке.

Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 364 с.

Историческая память

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной памяти) – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях. Историческая память рассматривается как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно – как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Историческая память не только социально дифференцирована, она изменчива. Эта постоянно обновляемая структура — идеальная реальность, которая является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная.

Историки обратились к изучению механизмов формирования и функционирования исторической памяти, опираясь на теоретические положения, концептуальный аппарат и методологический инструментарий исследований социальной и культурной памяти, разработанные в смежных дисциплинах и

широко представленные в новейшей социальногуманитарной (социологической, психологической, философской, лингвистической) научной литературе в течение всего XX столетия.

Исходным пунктом стали работы М. Хальбвакса, работавшего в традиции Э. Дюркгейма и делавшего упор на *коллективное сознание*.

В его концепции память индивида существует постольку, поскольку этот индивид является уникальным продуктом специфического пересечения групп, то есть его память, по сути, структурируется групповыми идентичностями. Подчеркивая социальную природу памяти, обусловленность того, что запоминается и забывается «социальными рамками» настоящего, Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти» как социального конструкта: именно коллективы и группы, в его концепции, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти.

Уже в конце XX в. немецким египтологом Я. Ассманном была разработана теория культурной памяти и сформулированы задачи ее изучения в рамках того научного направления, которое он обозначил как «история памяти». Я. Ассманн проводит принципиальное различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативная память мало формализована, она представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Это — «живая память» индивидов (непосредственных участников и очевидцев) и групп о непосредственно пережитом или возникающая в процессе межпоколенного общения в повседневной жизни. Она существует на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, она выражается в мемориальных знаках разного рода - в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в

поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции.

Понятие «историческая память», как и концепт «коллективная память», не только у разных авторов, но и у одного и того же автора в разновременных публикациях и иногда даже в одной и той же работе может употребляться в значении «общий опыт, пережитый людьми совместно» (речь может идти и о памяти поколений) и более широко – как групповая память. «Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вне научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом.

Высокая востребованность понятия «историческая память» во многом объясняется как его собственной «не строгостью» и наличием множества дефиниций, так и текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии «память». Вся терминология памяти характеризуется многозначностью. Память может включать все что угодно – от какого-нибудь спонтанного ощущения до формализованной публичной церемонии. Историки, вслед за антропологами, давно употребляют понятие коллективной памяти, обозначая им комплекс разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом. Однако многие авторы, особенно в последнее время, предпочитают все же различать память коллективную (групповую), память социальную, память коммуникативную (живую) и память культурную. Не менее важно различие между памятью репродуктивной и памятью реконструктивной, а также памятью-действием, памятью-репрезентацией, и памятью, рассматриваемой как совокупность идей и образов.

Память бесконечна, все сознание опосредовано ею, даже сиюминутное ощущение настоящего получает осмысление посредством памяти. Именно исходя из памяти и заложенных в ней схем, человек ориентируется, сталкиваясь с новыми явлениями,

которые ему предстоит осознать. То, что происходит «здесь и сейчас», интерпретируется на основе ранее накопленных знаний и, таким образом, само настоящее, в котором мы живем, выстроено из прошлых событий.

В нормальных обстоятельствах наша память хорошо нам служит, прежде всего потому, что репрезентирует прошлое и настоящее как связанные друг с другом. Мы доверяем своей памяти, так как она постоянно проверяется повседневной жизнью, хотя та же проверка нередко обнаруживает несообразности. Однако, когда это случается, мы обычно не испытываем трудностей в том, чтобы найти причину. Конечно, память максимально надежна в континууме настоящего, где она постоянно воспроизводится и проверяется. Но новый опыт или новые идеи могут ей противоречить и поставить под сомнение доверие к знанию о прошлом (как и о настоящем), заключенному в памяти и построенному на идеях и воспоминаниях, существующих в настоящий момент.

Память всегда обусловлена заинтересованностью. Люди помнят то, что им нужно помнить, но нередко забывают даже события из собственной жизни, если не придают им значения. Изменения интереса и восприятия по отношению к историческому прошлому связаны с явлениями социальными. Меняющийся интерес к прошлому является частью коллективного, общественного сознания, а перемены в социальных условиях порождают изменение этого сознания. Различия между видами описания прошлого, сделанного разными людьми, можно соотнести с различными видами общества, к которому эти люди принадлежат. Но связь между обществом и историей не так проста: можно идентифицировать целый ряд значительных промежуточных звеньев между социальной практикой и описаниями прошлого. Первое – это язык, который формирует и сохраняет наши концепции. Когда же мы стремимся передать наши воспоминания, первостепенное значение приобретают существующие формы или жанры повествования.

Первоначальная, наиболее примитивная форма осознания и репрезентации прошлого связана с мифом. Весь мир

представляется индивиду как нечто единое с ним, человек не способен ни выделить себя из окружающей среды, ни осмыслить что-либо генетически. Миф почти лишен категории времени, прошлое и настоящее здесь слиты воедино. Христианская концепция истории представляет утопическую форму сознания. На смену мифу и утопии постепенно приходит наука, изучающая прошлое человеческого общества, но при этом историческая наука, являясь важным компонентом современного исторического сознания, отнюдь не вытесняет предшествующие формы: важную роль в формировании исторического сознания продолжают играть религия, литература, искусство.

Осознание прошлого у индивида или социальной группы может складываться на основе устной традиции, которую не следует путать с устной историей - исторической дисциплиной, порожденной методикой изучения устных воспоминаний современной эпохи. Устную традицию можно определить как объем знаний, которые передавались из уст в уста на протяжении нескольких поколений, являясь коллективным достоянием членов данного общества.

Устная традиция является живой там, где грамотность не пришла еще на смену традиционной устной культуре. Именно из устных воспоминаний и устной традиции черпали большинство сведений те, кто сейчас считается первыми историками - Геродот и Фукидид. Средневековые летописцы и историки также в большой степени зависели от устных свидетельств, но уже с эпохи Возрождения стало быстро возрастать значение письменных источников. В XIX в., с возникновением академической исторической науки в ее современном виде, использование устных источников было практически прекращено. В обществе всеобщей грамотности устная традиция утрачивается в течение жизни двух-трех поколений. В настоящее время устная традиция используется историками не в качестве носителя исторической информации, а как средство для раскрытия культурного контекста, в котором формируются образы прошлого в традиционных обществах.

Историческая память находит свое выражение в различных формах. Компаративный анализ традиционного историописания

позволяет говорить о наличии двух моделей репрезентации исторического прошлого: это – эпос (первоначально звуковой способ передачи исторической памяти) и хроника (изначально письменный способ ее фиксации) с присущими им контрастными характеристиками:

а) в эпосе, функция которого состоит в прославлении или коммеморации героя, абсолютные даты отсутствуют, а в хронике, функция которой заключается в описании или регистрации события, они имеют первостепенное значение;

б) в эпосе, который рассчитан на эмоциональное восприятие слушателями и перформативен (значима его форма) по самой своей сути, важную роль в представлении сообщения играет исполнитель и ситуация, в которой происходит исполнение; в хронике тот, кто передает сообщение, невидим, а передача письменного сообщения носит информативный характер (важно содержание послания) и рассчитана на понимание, которое зависит от позиции читателя и его интеллекта.

Многие исследования антропологов, изучавших устные предания, в которых хранилась память народа о жизни и деяниях предшествующих поколений, показали, что устное изложение прошедших событий нельзя отделить от взаимоотношений между рассказчиком и аудиторией, в которой оно имело место. Однако не только устные, но и письменные сообщения-интерпретации фактов прошлого не существуют как самостоятельные объекты, но являются продуктом дискурса. Как бы ни была скромна цель рассказчика, эти сообщения являются целенаправленными вербальными действиями, и, в свою очередь, интерпретируются слушателем или читателем как таковые с учетом жанра этого дискурса, который обеспечивает аудитории соответствующий «горизонт ожидания».

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С.10-14

Клиометрика

История клиометрики в США

Чем же является клиометрика, если не считать, что это занятие для клиометристов? Ответы варьируются: «историческая экономика», «экономика истории», «эконометрическая история», а несколько лет назад она была названа «новой» экономической историей. Впервые термин «клиометрика» появился в печати в декабре 1960 года на страницах журнала *Journal of Economic History* в заявлении, сделанном Джоном Хьюгсом и двумя его соратниками по конференции в Пэдьо Лансом Дэвисом и Стэном Ритером: «Вкратце, логическая структура, необходимая для исторической реконструкции прошлой экономической жизни из сохранившихся обломков, включает в себя идеи истории, экономики и статистики. «Потомок» такого действия по междисциплинарному смешению был назван достойным именем: в Пэдьо полученную дисциплину окрестили «Клиометрика»».

Это прозвище крепко приклеилось к новому понятию и перестало кого-либо шокировать. Оно было придумано Ритером - не историком, а специалистом по матэкономике, который сотрудничая с Лансом и Джоном, размышлял в поисках слова, которое могло бы описать работу в области количественной экономической истории, которую они вели. Он всего лишь соединил имя музы истории - Клио и суффикс «-метрик» из слова эконометрика, и они определили значение этого термина в своей статье.

Следует заметить, что выражение «новая экономическая история» было названием этой области знания в течение многих лет. Оно было придумано и использовано в той же статье, где вводился термин «клиометрика», однако в намерения авторов не входило «проталкивание» или навязывание ни одного из этих выражений. Предсказанная «новая» стала со временем не совсем новой, и это определение потеряло свою полезность, тогда как шутка стала теперь названием.

Работа в области клиометрики и сам термин раньше часто подвергались нападкам. М.Л.Бурштейн в обзоре книг в 1964 г.

сделал следующее заявление, которое побудило Джона Хьюгса выступить в защиту этого термина. Бурштейн заявил: «Мрачная наука перемалывает музу истории в горсть пыли. Экономические историки, некоторые вульгаризаторы среди которых называют сами себя клиометристами, просеивают эту пыль в ящики, экономические коробочки, специфические аналоги математическим символам, предлагаемым структурой экономической теории».

Ответ Джона объяснял: «Бурштейн относится к членам Клиометрического общества (чисто неформальная группа социальных пьяниц) как к «вульгаризаторам». Поскольку слово «клиометрика» теперь вошло в употребление и использовано несколько раз, могу ли я сказать несколько слов в его защиту? Слово явилось результатом возбужденного воображения моего коллеги, С. Ритера, который принимал участие в подготовке трех оригинальных докладов, касающихся методов обработки данных в экономической истории: «...Если есть лучшее, короткое слово чтобы описать то, что происходит с бурным ростом промышленности, мы примем его во внимание и рассмотрим. Наши намерения по отношению к Клио не были и не являются ничем иным, кроме почтения и не заслуживают прозвища «вульгарный»».

Эволюция термина с годами привела к следующему приемлемому определению: *клиометрика* - это применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития. Клиометристы часто используют обширные массивы данных, которые историки считают непригодными к использованию, неинтересными или не относящимися к описанию прошлого. Клиометристы склонны к дедуктивному анализу, почему то или иное экономическое событие имело место, тогда как более традиционных экономических историков больше занимает описание того, что случилось. Возможно существует более удачный термин для обозначения данной сферы исследования, но это слово прочно соединилось с

текущим значением, а соответствующая сфера исследований - с этим названием.

Была ли клиометрика революцией?

Так же, как некоторые говорят, что не было промышленной революции, а лишь постепенная трансформация, можно сказать, что клиометрическая революция была лишь продолжением того стиля работы, которой другие (хотя необязательно экономические историки) занимались прежде. Дэвис, Хьюгс и Ритер в своем докладе 1960 г. заявляют, что «несмотря на то, что качественный подход в нашей научной области занимает обычно большое место, с самых ранних пор существует значительный и респектабельный поток количественных работ». Не кто иной, как революционер клиометрики Роберт Фогель (1963) прилагал усилия, чтобы отметить наследство прежней работы, которую вели «новые» экономические историки, когда в 1963 г. он сказал, что «...экономическая история всегда была пристанищем для ученых с большим интересом к применению теории и статистики к историческим проблемам. Новая экономическая история - это современное продолжение этой теоретическо-количественной традиции...».

Однако тогда, в конце 50-х - начале 60-х годов, действительно существовала «новая» экономическая история, которая выставляла «для прикрытия» старую гвардию, тогда как бригада клиометристов призывала ни много ни мало к полному переписыванию всего старого в этой области. Процитируем Дугласа Норта (1963) из мартовской заметки в *American Economic Review*: «В изучении экономической истории в США происходит революция. Инициаторами ее выступило молодое поколение экономических историков, которые скептически настроены к традиционной интерпретации экономической истории США и убеждены в том, что новая экономическая история должна прочно основываться на прочных, надежных статистических данных. Даже беглый просмотр принятых в американской экономической истории «истин» предполагает, что многие из них несовместимы с

элементарным экономическим анализом и не выдержат проверки с использованием статистических данных».

В своем президентском обращении к Ассоциации экономической истории Дэвид Ландс (1978) высказал точку зрения другой стороны, когда сказал: «Хотя и не отбрасывая измерения и количественный анализ, как это делают многие неэкономические историки (как, однако, после всего можно изгнать цифры из экономической истории?), они доказывают, что новая клиометрика является показным новшеством, ненаучным в своих процедурах, ошибочным в своей логике, имеет ограниченную сферу применения из-за пестроты исторических документов и сложности и двусмысленности исторических перемен. Но они говорят это лишь уединившись дома или в аудиториях, но не в печатных изданиях, так как (я думаю, справедливо будет заметить) большинство из них слишком запуганы новой экономической историей, чтобы бросить ей вызов к открытому сражению. Они не могут понять многого в новой работе. Иногда они даже не в состоянии прочитать ее. В глубине души они знают, что является правильным, но они вынуждены оставлять все это в своем сердце. Многие из них отправлены в своего рода «внутреннюю ссылку» в рамках своей профессии».

Ретроспективно революция была не столько в том, что случилось, сколько на какой арене. Процитируем Хьюгса из его речи 1985 г. на Международном конгрессе клиометристов: «Следует помнить, что основное направление экономической истории в начале 50-х годов было по большей части «невиновно» в открытом использовании теории и количественных методов. Поэтому клиометрика рассматривалась некоторыми как заговор молодых «технарей» против уважаемых ученых. Я не имею в виду, что такая работа не велась в этой области. Как уже было сказано много раз, клиометрика была революцией, которую ждали. Большая работа подобного рода уже была проделана и велась, но не теми, кто председательствовал в области, называемой экономической историей... Вопрос, касавшийся нашей работы, принимался благосклонно теми, кто называл себя экономическими историками».

Когда была клиометрическая революция?

В послевоенный период было написано несколько работ клиометрического толка. Большая часть их не печаталась в *Journal of Economic History*, а рассматривались как заявка на использование исторических данных.

Активное использование количественных методов и теории предусматривалось с самого начала развития этого направления научных исследований. Однако только в середине 50-х годов группа молодых экономических историков «вторглась» в эту сферу с новым инструментарием. Они пришли не для того, чтобы использовать исторические доказательства для проверки экономической теории, а для использования теории при анализе исторических вопросов. Большое значение имела возможность использования компьютеров для анализа комплексов данных, невозможная ранее. Работа «Первые 1945 британских пароходов» Хьюгса и Ритера (1958) была одной из самых ранних клиометрических работ, и она заслуживает внимания с точки зрения методики, поскольку это было первое использование ЭВМ в экономической истории.

Как будет показано ниже, сыграла определенную роль и трансформация экономической науки. Однако в очень «неклиометрическом» типе объяснения следует обратить внимание на факт, что в то время три человека имели важное влияние. Ими были Дуглас Норт и двое, кто не считал себя клиометристами, Саймон Кузнец и Александр Гершенкрон. За немногими исключениями большинство американских клиометристов учились с этими тремя людьми или были их студентами. Кузнец оказал влияние на целое поколение ученых в плане лучшего измерения исторических экономических переменных для объяснения экономического роста. И Норт в Университете Вашингтона, и Гершенкрон в Гарварде были известны проведением активных семинаров, где горячо обсуждались строгие экономические гипотезы. И Джон, и Ланс были среди первых студентов Норта.

Это было лишь делом времени, прежде чем журналы подобной тематики начали публиковать некоторые из этих новых работ. В 1955 г. Джон Мейер принял руководство

журналом *Explorations in Entrepreneurial History* (Исследования по истории предпринимательства), который стал первой отдушиной для работ клиометристов. Этот журнал перестал выходить в 1960 г. В 1963 г. Ральф Андреано выразил Артуру Колу свое сожаление по поводу “кончины” журнала, и Артур предложил Ральфу взяться за возобновление его издания. Первый номер *Explorations in Entrepreneurial History (The Second Series - Вторая серия)* вышел в свет осенью 1963 года с Ральфом в качестве редактора. В 1970 году журнал сменил название на *Explorations in Economic History* (Исследования по экономической истории), и сейчас его считают журналом, с которым наиболее тесно солидаризируются клиометристы.

В 1960 г. завершился срок пребывания Джорджа Роджера Тейлора в должности редактора *The Journal of Economic History*, и после некоторых дискуссий и размышлений “опеку” над ним возглавил Дуглас Норт, а Уильям Паркер стал новым соредактором. Они занимали эти посты до конца 1966 г. (двойной срок), и к тому времени клиометрические методы в этой сфере принимались вполне благосклонно.

Важной датой для этой области были объединенные сессии 1957 года Ассоциации экономической истории и NBER (Национальное Бюро Экономических Исследований) на конференции по доходам и благосостоянию. Ясно, что это была значительная встреча, на которой были представлены несколько важных докладов. Значительная часть NBER-конференции была посвящена совершенствованию измерения и исторического анализа долгосрочных экономических переменных. Она находилась под сильным влиянием практических работ Кузнецца, Митчела, Бернса и теоретических моделей типа Харрода-Домара.

Два доклада по методологии были представлены на сессиях экономической истории: «Взаимосвязь теории и экономической истории» (1957) У.У. Ростоу и «Экономическая теория, статистические выводы и экономическая история» (1957) Джона Мейера и Альфреда Конрада. В докладе Ростоу рассматривался вопрос о том, насколько полезна теория для объяснения роста (немного интроспективно, принимая во внимание, что его

знаменитая книга должна была выйти менее чем через три года). Он не дает никаких ясных предписаний и по одному пункту спрашивает: «Должны ли мы прийти к выводу, исходя из природы профессий, будто экономические теоретики и экономические историки обречены работать по разные стороны улицы - столь широкой, что вряд ли стоит кричать через нее?»

Сообщение Мейера и Конрада были намного более специфичными и конструктивными. Они призывали к применению инструментов научного вывода к экономической историографии. Они заявили, что гипотезы могут быть представлены как уравнения поведения, подобные $X=a+bY+e$, и таким образом «каждый может заключить детерминистические или систематические факторы и уникальные или несистематические факторы внутри одной последовательной модели». Авторы спорят с тем, что большинство экономических историков в то время концентрировали внимание на e -случайной ошибке, то есть занимались уникальными событиями, которые теперь называются «потрясениями». То же, что было нужно, касалось основной части уравнения или систематических факторов, которые объясняют поведение в обычные времена. И их доклад, и доклад Ростоу привлекли мало внимания на этой встрече.

Второй доклад Мейера и Конрада, который был примером нового метода, который они предлагали, вызвал настоящий переполох. Этот доклад был озаглавлен «Экономика рабства на довоенном Юге». Выводы в этой работе были полемичными, т.к. они в основном подкрепляли выводы историка Кеннета Стампа (1956), сделанные им в книге *The Peculiar Institution* (Особый институт), опубликованной за год до этого.

Их выводы, однако, посчитали революционными. Вместо непосредственного изучения мотивов рабовладельцев или просмотра счетов отдельных плантаций, они подошли к вопросу с точки зрения проблемы инвестиций - как вы решите вкладывать деньги в новую машину, которая характеризуется коэффициентом амортизации (изнашиваемости), затратами на ее содержание, а также существует возможность того, что она устареет - и когда может быть выгодным продать ее. Они рассмотрели на

исторические данные по доходности хлопка, продолжительности жизни рабов, цены вложений и доходов и пришли к выводу, что обладание рабами было благоразумным капиталовложением. Этот доклад был искрой, которая подожгла поток клиометрических работ и споров по экономическим вопросам рабства в течение последующих двадцати лет.

Эта революция разожгла важные дебаты относительно методологии, продолжавшиеся во второй половине 60-х гг. Многие из этих дебатов были опубликованы в книге под редакцией Ральфа Андреано *The New Economic History: Recent Papers on Methodology* (Новая экономическая история: последние доклады по методологии).

Одна из статей в этом томе принадлежала одному из наиболее шумных критиков клиометристов - Фрицу Редлиху, который определял значительную часть этой работы как анти-историческое исследование, а занимающихся ей называл «контрфактуалистами». Он не отвергал совсем эту работу, но квалифицировал ее как социальную науку, а не историческое исследование. Его главной заботой было то, какую роль следует играть теории. Ссылаемся на его пример, поскольку Фишлоу и Фогель различались в оценке социальных сбережений на железные дороги как 3:1, что несовместимо с подходом традиционного историка, но является только спорным вопросом для клиометриста о том, какие модели и предположения являются правильными. Он не доходил до «проповедования глухим ушам», как в некоторой степени Джон Хьюгс сделал практически то же самое двумя годами прежде в своей статье «*Fact and Theory in Economic History*» (Факт и теория в экономической истории).

Почему клиометрическая революция?

Клиометрическая революция была лишь частью фундаментальных и длительных конфликтов, имевших место в общей сфере «экономикс». Сначала все дискуссии о причинах экономического роста и развития экономических институтов проходили «под зонтиком» экономической истории. Кроме того, до Кейнса существовала весьма сильная связь между экономической

историей и теорией бизнес-цикла, как это легко можно увидеть при чтении работ Шумпетера и других.

Затем в течение послевоенного периода экономическая теория начала вытеснять то, что сейчас называют институциональной экономикой. Образовательные программы в экономике понижали лингвистические требования и акцентировали внимание на теории - парадигма, скопированная с точных физических моделей, чтобы быть проверенной изошренными статистическими методами. Кейнсианская экономика вытеснила на обочину проблематику бизнес-циклов и создала поле деятельности для макроэкономики, которая имела дело с кредитно-денежной и финансово-налоговой политикой. Традиционная экономическая история воспринималась как один из наиболее «не-точных» разделов этой области знания. Эта область знания изымалась из программ многих образовательных учреждений.

Вопросы этой тематики все еще привлекали ученых, но они подходили к ним с нескольких новых сторон и вне профессии «традиционной» экономической истории. Молодые теоретики - последователи Кейнса - определяли экономический рост как увеличение производства продукции на душу населения, измеренной национальной статистикой доходов и объясняемый математическими моделями факторов производства и темпов накопления. Вопрос о том, что послужило причиной индустриализации, эволюционировал в то, как поддержать индустриализацию в наше время и как помочь наименее развитым сейчас странам. В 1960 г. Ростоу опубликовал свои знаменитые «Стадии экономического роста», которые были представлены как модель экономического роста, использующая исторические свидетельства для аргументации своих утверждений.

Практически в то же время, когда клиометристы вызвали эти волны, было много дискуссий о том, следует ли экономическим историкам стать отраслью сферы экономического роста (развития). Картер Гудрич (1960) сосредоточил внимание на этом вопросе в своем предисловии к сессии 1960 года Заседаний по экономической истории, где Дэвис, Хьюгс и Ритер объясняли суть клиометрики. В то время и «Экономический рост», и новые

количественные методы (т.е. клиометрика) воспринимались как вызов этой традиционной области знания.

В конце концов, первые создали свою собственную сферу, тогда как последние - клиометристы – «вступили во владение» большей частью основного течения (американской) экономической истории. В процессе, большая часть традиционной экономической истории отступила к истории предпринимательства, на исторические кафедры, а клиометристы, быть может, спасли экономическую историю на многих экономических факультетах.

Аспиранты, обучавшиеся по этим новым образовательным программам, пришедшие в экономическую историю, интересовались применением своих новых количественных и теоретических приемов. Они, быть может, не презирали старые методы, но они не знали лучшего (или следует сказать «любого другого пути»). Вот что рассказывал об этом Джон Хьюгс в 1966 г.: «Казалось, они мало что понимали в методах и мотивах прежних «людей фактов» в экономической истории и принялись за работу по переписыванию экономической истории, пересматривая многие старые интерпретации, а также отбрасывая старые структуры (рамки) вообще и создавая совершенно новую информацию путем применения новых методов, статистических выводов и техники обработки данных».

В отличие от их более молодых профессоров, которые учились и на старых и на новых методах, эта новая группа не имела возможности делать выбор. Они связали свою судьбу с новыми. Теория роста и клиометрика и были этим новым.

Согласно Алексу Филду (1987), быстрому успеху клиометристов помогли внешние факторы, которые включали общее изменение того времени в спросе на экономистов и демографов. Период после второй мировой войны был временем подъема стремлений к образованию и вступлению в ряды ассоциаций. Сначала это было вызвано GI Bill, а затем экономическим процветанием 60-х годов. Признание того, что образование на уровне колледжа становилось настоящей необходимостью для преуспевания, совпало с надвигающимся наступлением «baby boom» на уровне колледжей.

Большинство штатов отреагировали на это большим увеличением бюджетных ассигнований на высшее образование, строительством новых университетов и ростом расходов на кадры. Добавим к этому, что экономисты теперь находили работу в неакадемических сферах, чего прежде никогда не было.

Выбор экономической истории аспирантами экономических отделений стал другой «прикладной» сферой, где время от зачисления до диссертации предполагалось таким же, как и на других специальностях. Больше не говорилось: «Удались в библиотеку, почитай годик и возвращайся за другим заданием». И новоявленные клиометристы могли легко найти работу на быстро растущих экономических кафедрах. Они могли разговаривать на языке их коллег. Но была цена, о которой поговорим ниже.

Инструментарий и достижения области

Будет невозможным представить здесь пространный обзор всего того, что достигла клиометрика за тридцатилетний промежуток времени. Но это и необязательно, поскольку это сделано в нескольких других работах. Я отсылаю читателя к четырем недавним публикациям: Дональд МакКлоски (1987) «*Экономическая история*», Н.Ф. Крафтс (1987) «*Клиометрика: 1971-1986: обзор*», Ланс Е. Дэвис и Стэнли Энгерман (1986) «*Клиометрика жива и благоденствует в большем числе мест, нежели Оксфорд, Огайо*» и Алекс Филд (1987) «*Будущее экономической истории*»...

Существует несколько средств, которые клиометристы взяли на вооружение. Первое – это *лучше числа*. С приходом компьютера стало возможным отвечать на вопрос «как много?». Вместо комментариев типа «жизненно важные факторы» или «сложно преувеличить важность ...», клиометристы сокращали метафоры до заявлений наподобие тех, что было точно 1945 пароходов или прибыль была от 8 до 12 %. Это лишало историю романтики, однако давало конкретные и почти «научные» ответы.

Помимо привычки делать подсчеты везде, где только могли быть найдены цифры, клиометристы любят «выводить» числовые данные, которые не могут быть обнаружены. Например, чтобы понять, был ли Юг самодостаточным в отношении продовольствия

в послевоенный период, необходимо было знать, при каком весе забивались свиньи. Поскольку записей о весе не было в распоряжении, информация о стандартном корме была использована для того, чтобы оценить, сколько свиньи могли весить. В другом примере вместо того, чтобы смотреть в бухгалтерские книги (часто нерепрезентативные) XIX века фермеров Среднего Запада, к вопросу о том, выгодно ли было покупать жатку, подошли, оценив относительную стоимость ручной машины по сбору урожая на гипотетической ферме средних размеров.

Клиометристы начали использовать *экономическую и бухгалтерскую теории* для смещения фокуса в спорах, которые бушевали в истории годами. Перефразируя вопрос, зачастую можно искать более определенный ответ. Споры столь же часто расширялись, сколь и решались, но аргументы становились более строгими. Одним из наиболее общих нововведений ранней клиометрической работы было применение теории цен. Как указывал Норт (1965), во всех дебатах о бремени (тяжести) Навигационных Актов клиометрист был первым, кто предположил, какой могла быть эластичность спроса.

Клиометристы стали мастерами *контрфактических гипотез*. Контрфактической является попытка измерить значимость события путем предположения того, что оно никогда не случилось и задания вопроса, насколько бы отличался мир (изучаемая система) в этом случае. Роберт Фогель проделал именно это с железными дорогами в США и пришел к выводу, что при использовании каналов и повозок экономика была бы отброшена назад только на пару лет. Другие использовали этот метод, чтобы оценить стоимость Гражданской войны, стоимость и прибыли для американских колоний оставшейся части Британской империи и влияния финансово-налоговой политики Нового курса.

Поскольку «набор инструментов» экономистов расширился, то же самое произошло и с применением теории и количественных методов в исследованиях по экономической истории. Возможность рыночных несовершенств используется для объяснения структуры сельского хозяйства на Юге США после

Гражданской войны и в Китае XX века. Теория эффективности заработной платы применяется к динамике рынков труда в XIX и XX веках. Модели общего равновесия применяются к большому числу вопросов (например - как изменилось распределение доходов в США и Британии). Логарифмические производственные функции применялись при изучении относительного сдвига трудосберегающих технологий при сравнении США и Великобритании.

Уильямсон С. История клиометрики в США (перевод А.Н.Полевой) // Экономическая история. Обзорение / Под ред. В.И.Бовыкина и Л.И.Бородкина. - Вып. 1. -М., 1996. - С. 75-107.

Историческая биография и персональная история

В последнее десятилетие XX века методологические поиски мировой историографии все более сосредоточивались в направлении микроистории и, пожалуй, именно в истории индивида, или персональной истории, наиболее остро и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема о соотношении к совместимости микро- и макроанализа. Если до последнего времени историческая антропология оставляла за кадром проблему само идентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то, в конечном счете, ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфически исторических обстоятельствах, а, следовательно, сам ход событий и их последствия), потребовал выхода на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности.

В связи с этим особое внимание стало уделяться анализу персональных текстов, или источников личного происхождения», в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт и тот или иной уровень его осмысления. С другой стороны,

закономерный поворот интереса историков от «человека типичного» или «среднего» к конкретному индивиду привел не просто к возрождению одного из древнейших жанров историографии - исторической биографии, но привел к его существенному обогащению и методологическому переоснащению. Действительно, в контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполняется новым содержанием. В настоящее время проявившиеся в этой области тенденции дают основания говорить о складывании нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами. Речь идет о так называемой «персональной истории», или "новой биографической истории", основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования - «история индивида», восстановление «истории одной жизни». Несмотря на определенный методологический эклектизм, ориентацию на принципиально различные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка этого направления состоит - в том, что реконструкция личной жизни и судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» их деятельности рассматриваются не только как главная цель исследования, но и как адекватней; средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. Иными словами, речь идет об изначально заданной принципиальной установке на выявление социального контекста, на выход в макроисторическое пространство.

В наиболее интересных работах, выполненных в русле «новой биографической истории», яркие достоинства исторической биографии, позволившие ей в течение многих столетий оставаться популярнейшим жанром историописания, оказываются вполне релевантными задачам историографии эпохи постмодерна, которая

с учетом уроков «лингвистического поворота» и его критического осмысления стремится отойти от крайностей сциентизма и добиться воссоединения истории и литературы на новом уровне понимания специфики исторического знания. Максимальное приближение к этому идеальному типу мне видится в тех образцах «персональной истории», которые принадлежат наиболее выдающимся первопроходцам этого направления: американским, канадским и британским историкам (Пол Сивер, Марк Филлипс, Натали Дэвис, Сара Мендельсон и некоторые другие).

«Персональная история» в широком смысле слова использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны или так называемую объективную информацию. На биографические работы, посвященные средневековью, за исключением тех, которые касаются немногих представителей элиты, отсутствие документов личного характера накладывает существенные ограничения. Физическая нехватка подобных текстов, очевидно, создает для исследователей не менее солидные препятствия, чем те, которые связаны с активно обсуждаемыми ныне трудностями герменевтического понимания. Часто средневековый персонаж, лишенный своего голоса (и визуального образа) выступает как силуэт на фоне эпохи, больше проявляя ее характер, чем свой собственный. Поэтому вполне понятен и правомерен особый интерес историков-биографов к более разнообразным материалам личных архивов и многочисленным литературным памятникам Возрождения и Просвещения, и все же в своих попытках восстановить внутренний мир индивида этого времени ученые вынуждены главным образом обращаться к немногочисленным представителям культурной элиты.

Биографический подход сформировал и одно из перспективных направлений гендерной истории, несмотря на то, что здесь общие проблемы индивидуальной истории осложняются гендерной спецификой. В этих биографиях ярко выступают спектр и пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках

данного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий. В гендерных исследованиях подобного рода привлекает исключительно взвешенное сочетание двух познавательных стратегий. С одной стороны, они сосредоточивают внимание на так называемом культурном принуждении, а также на тех понятиях, с помощью которых «люди представляют и постигают свой мир». С другой стороны, в них достаточно последовательно выявляется активная роль действующих лиц истории и тот - специфичный для каждого социума - способ, которым исторический индивид - в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах – «творит историю», даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям.

Вполне понятно, что в фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоционально-духовная жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня. В центр внимания многих исследователей, как правило, попадает нестандартное, отклоняющееся поведение, выходящее за пределы освященных традицией норм и социально признанных альтернативных моделей, действия, предполагающие волевое усилие субъекта в ситуации осознанного выбора.

Говоря о состоянии современной исторической биографии в целом, нельзя не признать, что при всех своих естественных ограничениях и несмотря на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным. Но на уровне обобщения методологические проблемы перехода между полюсами индивидуальности и коллективности остаются актуальными. И прежде всего это касается нахождения

механизмов взаимодействия индивидуальной и социальной памяти, индивидуального и социального сознаний.

Возьмем в качестве примера замечательную книгу Натали Дэвис о трех неординарных женщинах XVII века. Мельчайшие детали жизненных перипетий, размышлений и самооценок трех женщин не только дали автору богатую «натуру» для необычайно выразительных портретов, но проявили, как в лакмусовом растворе, все сущностные характеристики и процессы их социальной, профессиональной и культурной среды. Из любовно выписанного исследовательницей «тройного портрета» ярко выступили спектр и пределы возможностей, которыми располагал индивид в рамках данного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий. Более того, за тройным портретом отчетливо проступило масштабное полотно, на котором раскрылись неизвестные ранее аспекты европейской жизни XVII века, включая ее пограничные пространства. Кстати, во время бурных дебатов на рубеже 80-х и 90-х годов, когда обсуждались судьбы двух форм социальной истории, опирающихся на два различных типа анализа, Н.Дэвис была в числе тех, кто подчеркивал их комплементарный характер и призывал к тому, чтобы найти способы объяснить и адекватно выразить взаимодействия и сопряжения макро- и микрообъектов, социального и культурного.

Совершенно справедливо и очень точно (в еще более ранней дискуссии на рубеже 70-80-х годов) охарактеризовал эту эпистемологическую дилемму Дэвид Ливайн: «Изучение истории требует от нас организовывать множества событий в хронологические последовательности и структуры, которые неизбежно и существенно отличаются от того, как они могли пониматься людьми прошлого. Это противоречие создает проблему для социальной истории; признавать процесс общественных изменений и одновременно постигать эти структуры так, как они переживались людьми прошлого. По существу, эта проблема подобна той, которая была поставлена Максом Планком и Вернером фон Гейзенбергом в попытке прийти к согласию с новым пониманием физического мира, когда общие теории оказались

неспособными объяснить повеление микрочастиц. Здесь требуются два типа объяснения - каждое из которых зависит от типа задаваемых вопросов, причем каждый из этих способов исследования является «правильным» в своей части... Средние показатели могут нам кое-что прояснить, но слишком часто их анализ извращается скрытым предположением о том, что «все картофелины в мешке похожи друг на друга». И это верно, если мы сравниваем их с бананами. Однако, если мы сравниваем их друг с другом, тогда различия становятся более важными и более реальными. Ведь это как раз те различия, которые понимались и переживались людьми прошлого... Но, обращая внимание на эти различия, которые индивидуализировали мужчин и женщин и превращали их жизненный опыт в уникальный, следует избегать феноменологической ловушки... Именно выяснение средних показателей дает возможность лучше осознать степень соответствия между общественными нормами и реальным поведением... Но сами по себе они не могут рассказать нам о том, как эти нормы интерпретировались индивидами, которые слишком часто изучаются в этом «общем мешке». Только заглядывая за эти средние показатели и рассматривая способы, которыми социальные нормы инкорпорировались в повседневность, мы можем понять жизненный опыт людей прошлого. Ключ к пониманию предложен Бурдье в концепции «стратегий», которая прямо признает разнообразие конкурирующих интересов внутри кажущегося господства нормативных стандартов».

Ясно, что мы имеем дело с интегральной исследовательской установкой на изучение индивидуальной биографии в качестве особого измерения исторического процесса, что вовсе не исключает, а напротив - предполагает понимание значения системно-структурных и социокультурных исследований и взаимодополнительности всех трех перспектив в целостной картине прошлого. Многие практикующие историки гласно или негласно принимают теорию структуризации британского социолога А. Гидденса. Как правило, речь, конечно, не идет об открытой декларации лежащих в ее основе предположений. Однако их исследовательская платформа так или иначе приближается к тому,

что Кристофер Ллойд назвал, может быть, не очень удачным рабочим термином «методологический структуризм». Согласно этой модели социальные структуры понимаются как складывающаяся совокупность правил, ролей, отношений и значений, «в которых люди рождаются и которые создаются, воспроизводятся и преобразуются их мыслью и действием. Именно люди, а не общество, порождают структуры и инициируют изменения, но их креативная деятельность и инициатива являются социально вынужденными. Согласно онтологии Ллойда «люди имеют действительную силу, а структуры – обуславливающую», она "отвергает легитимность той дихотомии действия и общества, ига которую другие индивидуалистическая и холистская онтологии - опираются, и пытается концептуализировать действие и общество как взаимопронизывающую дуальность».

Концепция возникающей структуры в этой модели требует многоуровневого видения социокультурного пространства, новые свойства которого возникают на верхних уровнях. Структура может охватывать общество или культуру как системное целое, системные отношения на разных уровнях или какой-то один общественный институт. Историки могут описывать действия индивида или группы в социокультурных пространствах, выстраивающихся по ранжиру от макроструктур (например, группы государств или их экономических, социальных и культурных систем) до структур среднего уровня (внутриполитических институтов, бюрократий, корпораций, социальных организаций, региональных субкультур) и микроструктур «наверху», «внизу», «в центре» и на общественной периферии (олигархии, элитные клубы, маргинальные группы, семьи). Индивиды и группы имеют большую или меньшую действительную силу и определяют баланс причинности различными способами, нет никакой фиксированной формулы, определяющей взаимосвязи макро- и микроструктур: они могут быть организованы в различные схемы. Более того, структурные отношения изменяются разными темпами (иногда катастрофически) и возможности действующих субъектов предположительно меняются вместе с ними.

С этой теоретической платформы ведется сокрушительная критика ложной альтернативы социального и культурного детерминизма, который рисует индивидов как полностью формируемых социальными или культурными факторами. Во всем подчеркивается активность действующих лиц: индивиды не только естественно сопротивляются властям, которые обучают их правилам, ролям, ценностям, символам и интерпретивным схемам, они имеют тенденцию обучаться не тому, чему их учат, поскольку индивиды не только интерпретируют и преобразуют то, чему их научили, в соответствии со своими нуждами, желаниями и принуждением обстоятельств, но их рецепция культуры также отражает причуды культурной трансмиссии. Короче, социализация и окультуривание не дают единообразных результатов и люди часто ресоциализируются и рекультурируются в разные моменты своей жизни и в различных социокультурных "локациях". Речь идет о вовлечении индивида в группу, придерживающуюся таких правил, которые иногда требуют от него осуществить насилие или отречься от той группы, в которой он был до этого социализирован и окультурен, - будь это банда, армия, религиозная секта, бюрократия, политическая партия, культурное движение или прочее.

Это плюралистическое и динамическое видение влечет за собой множество следствий: гораздо более богатое понятие социокультурной гетерогенности, чем предполагалось раньше, гораздо более сложную картину социокультурных изменений, больший простор для деятельности - как индивидуальной, так и коллективной - и для случайности.

Тем не менее, эта модель имеет свои ограничители, которые не позволяют исследователю пройти до конца весь путь «восхождения к индивиду», оставляя непроторенным его важный отрезок, связанный с интериоризацией непосредственного жизненного опыта и формированием психологических установок, готовности и склонности воспринимать, реагировать, думать, оценивать, действовать определенным образом. Известный британский историк Теодор Зелдин так описал перипетии своего исследовательского поиска; «Чтобы избавиться

от априорных представлений о том, как именно следует в процессе изучения группировать людей и события, я постарался разбить свой материал на мельчайшие элементы. Я использовал своего рода пуантилизм, который сводит сложные явления к самым элементарным формам, Я разбил классы на группы, группы на меньшие группы, а затем показал, какое разнообразие характеризует даже мельчайшие группы. Когда доходишь до индивида, то убеждаешься, что он очень сложен, что в зависимости от обстоятельств он по-разному реагирует на всякое воздействие, причем так, что это выглядит противоречивым и практически непредсказуемым.

Поэтому я не стремился найти единый ключ к объяснению человека. Вместо этого я перешел от пуантилизма к изучению индивида одновременно с разных сторон, как будто рисовал не только видимую часть лица, но и затылок, располагая их так чтобы видеть все сразу. Я старался представить жизнь во всем ее богатстве и противоречивости... Для себя я решил эту проблему, поставив индивида в центр своей книги. Я посмотрел на мир его глазами, вместо того чтобы смотреть в обратном направлении и изучать множество не связанных между собой факторов. Я старался больше, чем это обычно делают историки, использовать психологию, но не как разъясняющую теорию, а как доступ я потаенным сторонам человеческой личности». Впрочем, даже умелое использование «психологического микроскопа», не снимает всех преград на пути к изучению исторического индивида.

Вместе с тем, приходится с сожалением констатировать, что даже в лучших образцах «персональной истории» (как это явствует, в частности, из приведенных примеров) весьма существенная в данном контексте проблема перехода от индивидуального опыта к социальной памяти не только не решается, но нередко даже не артикулируется.

Вместе с тем, приходится с сожалением констатировать, что даже в лучших образцах «персональной истории» (как это явствует, в частности, из приведенных примеров) весьма существенная в данном контексте проблема перехода от

индивидуального опыта к социальной памяти не только не решается, но нередко даже не артикулируется.

Наряду с подробно рассмотренным выше, в современной исторической литературе имеется и совершенно иное видение задач и перспектив персональной истории. Его идейно-теоретические основания изложены Д. М. Володихиным во вступительной статье к изданному им в 1999 г. очень интересному и содержательному сборнику «Персональная история» (в него включен ряд исторических очерков разных авторов, главным образом специалистов по отечественной истории). Введение Д. М. Володихина носит примечательное и даже программное название - «Экзистенциальный биографизм в истории». Редактор, как и его единомышленники - авторы представленных в книге очерков, исходят из того, что «среди всего прочего история выполняет важную экзистенциальную функцию... Главнейшая проблема экзистенциальных разысканий - поиск способов наполнить жизнь смыслом перед лицом предстоящей смерти... Экзистенциалист открывает способы выбирать или строить стойкие смыслы жизни, точнее, способы жизни, освобождающие как от страха перед летальным концом, так и от страха перед тем, что неизбежность кончины перечеркивает любые устремления и успехи на протяжении отпущенного срока. В этом смысле история может дать любому интеллектуалу драгоценный, ничем не заменимый материал для размышлений. Опыт сотен и тысяч ушедших поколений становится подсказкой или, лучше, арсеналом духа, вычерчивающего жизненный проект, осознанно совершающего высшие выборы».

Эта установка предполагает, как некое следствие, достаточно основательные, я бы даже сказала - экстремальные, смещения методологического плана, "Для такой философии, - пишет Д. М. Володихин, - истории надобна особая методология. В рамках подобной методологии становится бессмысленным словосочетание «объективные законы исторического развития». Вытравляется любая номотетичность: ничто общее, массовое не имеет ценности. Социальное начало пребывает в виде фона, антуража, в лучшем

случае социокультурной атмосферы эпохи. Событийная история играет роль фактологического каркаса, не более того... Напротив, определяющее значение получает особенное, единичное, индивидуальное, С этой точки зрения полезнее всего биографическая форма работы. Причем биографии подобного рода должны отвечать нескольким важным требованиям. В них раскрывается, прежде всего, динамика психологического мира индивида... Но это не психоистория в традиционном, классическом понимании этого слова. Это скорее персональная история... Фактически исследование в рамках персональной истории, помимо технических особенностей, диктуемых самим характером материала и личным стилем историка, должно основываться из систематизации "ответов" источников при использовании вопросника примерно такого рода: как этот человек любил, творил, как он относился к трансценденции, какой смысл (способ, стиль) жизни он для себя избрал, и почему все сложилось именно так» а не иначе. Сколько раз он выбирал для себя основной жизненный смысл, насколько следовал своему выбору. Как, в итоге, он решал проблему адаптации к собственному бессмертию и решил ли. Таким образом, годится биография индивидуума любого калибра..., лишь бы источники давали возможность по-настоящему глубоко заглянуть в его внутренний мир. Разумеется, пригодно исследование жизни индивидуума, принадлежащего к любой эпохе и цивилизации, с поправкой на ментальную оснастку и тот самый социальный фон, о котором говорилось выше. Притом, если для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, должен быть Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо. Хотелось бы подчеркнуть, в центре внимания оказывается реконструкция способа жизни, динамика внутреннего мира индивида, а не его «внешние» деяния, его сознание, а не его общественная практика».

Итак, совершенно очевидно, что речь здесь идет о совсем другой модели персональной истории, чем та, о которой было сказано выше. Между ними есть различия принципиального характера. Если первый подход исходит из равной значимости и взаимосвязанности социокультурного и

психо-личностного аспектов в анализе прошлого, то второй намеренно подчеркивает автономию последнего: ментальная оснастка и социальный фон получают только незначительный статус «антуража», «поправки», а события понимаются лишь в качестве «фактологического каркаса». Более того, остается непонятным, как может быть «построена» история индивида без кульминационных моментов его жизни, структурирующих весь его личный опыт. Если взять тот же пример, который приводит Д. М. Володихин, то вопрос к нему может быть сформулирован таким образом: как может быть понят Наполеон без его переживания, восприятия и осмысления «Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо», без тех исторических событий, которые были и событиями его жизненного пути и стали вехами его памяти. Разве динамика внутреннего мира индивида никак не соотносится с его жизненными обстоятельствами, с перипетиями личной судьбы, с его собственной деятельностью, с изменениями во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей? Элиминировать все эти и многие другие факторы становления и развития личности - значит до предела сужать диапазон возможностей исследователя, который и так чрезвычайно ограничен теми следами прошлого, которые он пытается «расшифровать» в отнюдь не изобильных персональных текстах более или менее отдаленных эпох. Естественно, что в такой исследовательской программе проблема соотношения индивидуального стала и социальной памяти вообще поставлена быть не может.

Однако при всех отмеченных противоречиях экзистенциальный подход к персональной истории заслуживает самого пристального внимания: его оценка роли воспоминаний в обретении смысла жизни, в выборе жизненной стратегии и в активизации личностного потенциала, решающий акцент на психологии личности способны эффективно дополнить социокультурный в своей основе анализ, свойственный «новой биографической истории», как одному из направлений микро-исторических штудий, подразумевающему

возможность комбинации различных перспектив видения прошлого.

Ведь специфика микроистории заключается не в масштабе ее объектов, несмотря на нередкие утверждения подобного рола, и даже не в разглядывании подробностей и мелочей. Один и тот же объект равным образом может стать предметом и макро-, и микроисторического исследования. Дело в другом – в том, с какой стороны к нему подходит исследователь, под каким углом зрения этот объект рассматривается, то есть, в конечном счете, в позиции наблюдателя, которую он выбирает в зависимости от своей теоретической платформы и принятой модели развертывания исторического процесса. Иными словами, эта специфика заключается в направлении движения исследовательской мысли; идет ли она от настоящего к прошлому, пытаясь проследить в ретроспективе становление настоящего, то есть мира, в котором мы живем сегодня, или же внимание обращено на само прошлое как нечто находящееся в стадии становления. В последнем случае это движение направлено «перспективно» – от прошлого к настоящему, и исследователь ищет ответ на вопрос, какие потенциальные возможности скрывались в последовательных ситуациях исторического выбора, как и почему в этом процессе реализовались именно те, а не иные возможности, каким именно образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действовали в пространстве свободы, ограниченном объективными коллективными структурами, которые были созданы предшествовавшей культурной практикой. В первом ракурсе мы получаем некую одномерную проекцию прошлой реальности на траекторию развития и, таким образом, видим лишь свершившуюся Историю в ее «победившем» варианте, во втором – рассматриваем саму эту исчезнувшую реальность как бы с открытым, непредопределенным будущим, то есть несущей в себе различные (а то и прямо противоположные) потенциальные варианты развития, а значит, во всем ее действительном многообразии и полноте.

И в этой связи, безусловное преимущество как «персонального» подхода, так и всех других микроисторических

стратегий состоит именно в том, что они «работают» на экспериментальной площадке, максимально приспособленной для практического решения тех сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация. Более того, постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы – настоятельно «выталкивает» историка из уютного гнездышка микроанализа в то исследовательское пространство, где царит макроистория.

Экспериментирование с методами не может быть самоцелью, его смысл заключается в том, чтобы приблизить исследователя к решению поставленной им проблемы. Одна из самых трудных задач, с которой сталкивается историк, состоит в том, как концептуализировать взаимодействия между индивидами и обществом, соотношения конкретного и абстрактного, частного и целого, как не теряя из виду единичности, рассмотреть все же «за деревьями лес», как представить себе общность, не элиминируя индивидуальные качества составляющих ее частей – в духе платоновской диалектики. Логическая «разнонаправленность» и взаимодополнительность микро- и макроисторического подходов делают их комбинационные возможности исключительно перспективными.

Между тем, в идеальном варианте мысль исследователя в «проспективном» видении исторического процесса начинает свое движение от единичного и уникального факте, от индивида. Но индивид – это не «*tabula rasa*», не «чистый лист», он имеет не только настоящее и будущее, но и свое собственное прошлое, более того он сформирован этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, запечатленной в культуре. Как писал Р. Л. Стивенсон: «Прошлое есть я сам, моя собственная история,

семя моих сегодняшних мыслей, матрица, сформировавшая меня таким, как я есть». Этот замечательный образ, конечно же, должен быть динамически развернут. Я бы предпочла дополнить его ярким высказыванием Ф.Ницше: «Каждый поступок продолжает созидать нас самих, он ткёт наше пестрое одеяние. Каждый поступок свободен, но одеяние необходимо. Наше переживание – вот наше одеяние». «Матрица» не застыла, она «живет» и изменяется во времени, и если говорить о сознании и мышлении, то в них эта темпоральность не ограничивается биологической жизнью индивида, а выходит за пределы дат его рождения и смерти – она открыта в пространство социального. Эта открытость и дает возможность говорить об историчности индивидуального сознания.

Мартин Хайдеггер («Бытие и время») развивает эту мысль темпорально, оно имеет собственную историю. Отнюдь не тривиальная или незначительная, эта история образует то, что мы есть. Мы являемся тем, что мы есть в настоящий момент, в силу того, что мы постоянно стремимся к индивидуальному будущему и приходим из индивидуального прошлого; сама наша идентичность возникает из историчности... Те, кто не может вспомнить прошлое, приговорены к тому, чтобы сперва его выдумать».

Конечно, самым важным для исследования индивидуальной памяти типом персональных текстов являются автобиографии. Здесь только не стоит ставить знак тождества между понятиями «автобиографическая память» и «индивидуальная память», Несовпадение их содержания обстоятельно продемонстрировано в ценном исследовании В. Нурковой «Свершенное Продолжается, Психология автобиографической памяти личности». В этой же книге всесторонне рассмотрены психологические аспекты автобиографической памяти, доскональное знание которых насущно необходимо историку, работающему со столь специфическими источниками. Выделим некоторые ключевые моменты характеристики автобиографической памяти, которые могут быть соотнесены с принципами ее исследования.

Во-первых, справедливо подчеркивается, что автобиографическая память, содержанием которой являются важные и яркие события индивидуальной биографии, а также представления о себе в разные периоды жизни, «собирает» из несвязных обрывков каждодневных впечатлений уникальную, укорененную в самоощущенности человеческую личность. (Подобную же «собирающую» роль по отношению к хаосу фрагментов повседневности прошлого играет историография.). Во-вторых, «случайно или намеренно изменив свою историю, автобиографию, мы уже не можем оставаться прежними. Мы чувствуем, как меняется ход наших мыслей, наше восприятие окружающего мира». Чем это может быть полезно историку? Увы, нам не часто доводится иметь дело с последовательным рядом автобиографических текстов одного и того же индивида. Однако, быть может, этот угол зрения позволит «высветить» некоторые пока не выявленные «автобиографические штрихи», в источниках другого рода. По крайней мере, целенаправленный поиск в этом направлении не лишен перспектив.

Не менее важным представляется напоминание о том, что в любом обществе или социальной группе существуют писанные и неписанные каноны, определяющие, что человек обязан рассказывать о своем прошлом и как он должен понимать свою судьбу. Это обстоятельство, о котором нельзя забывать при анализе автобиографических памятников, и оно, несомненно, служит основанием для скептического отношения к вопросу об их достоверности. Но, с другой стороны, так называемые «модельные автобиографии» могут иметь особую ценность для историка: ведь сам факт «модальности» делает их репрезентативными.

Автобиограф выстраивает свою автобиографию, пишет историю своей жизни, как это обычно делают историки – ретроспективно, из настоящего времени, мысленно отвечая на вопрос «как я стал тем, что я есть». Категория «индивидуального прошлого», всего непосредственно «пережитого» индивидом и так или иначе отложившегося в его сознании, играет интегративную роль, компенсируя последствия аналитических процедур,

разлагающих человеческую деятельность, а следовательно и личность, на отдельные составляющие. Каждое состояние настоящего есть следствие множества прошлых событий и состояний, разнообразных по продолжительности и образующих разнородный сплав, уникальный для каждого индивида. Но это не только лично пережитое: так называемый индивидуальный жизненный опыт включает разные компоненты. Показать на конкретном материале, как, прирастая «новым прошлым», меняется вся структура индивидуального опыта, сознания и способа жизни исторического индивида, – огромная и редчайшая удача для историка, реализация которой неизбежно требует исследования темпорального измерения личности. Благодаря наличию уникального по своему охвату и разнообразию комплекса исторических памятников, ближе всех к решению этой проблемы сумел подойти Жак Ле Гофф в своей грандиозной монографии о Людовике Святом, которая еще долго будет служить эталоном новой биографической истории. Сам объект исследования определяется в ней как «глобализирующий», концентрирующий вокруг себя всю совокупность сфер, включаемых в поле исторического знания. Кроме того, подчеркивается наличие альтернатив и активная, творческая роль исторической личности: "Святой Людовик ... сам создал себя и свою эпоху настолько же, насколько он был создан ею. И это созидание состояло из случайностей, сомнений, выбора». Задача биографа состоит в том, чтобы не скрывать, но выявлять эти «колебания и противоречия», а также преодолеть мнимую оппозицию между индивидом и обществом. «Индивид существует только в сплетении разнообразных социальных связей и именно это разнообразие позволяет ему вести свою игру. Знание этого общества необходимо для того, чтобы увидеть, как в нем происходит становление и протекает жизнь отдельного персонажа». С этим знанием историк «подступает к индивиду».

Кроме того, в биографическом исследовании ему открывается необычный тип темпоральности: время человеческой жизни – социальное измерение биологического времени, время биографии индивида, не совпадающее с временем истории, ритмы

которого по-разному накладываются на отдельные стадии его жизненного цикла. Созданная Ле Гоффом биографии Людовика Святого оказывается необычайно протяженной: она выходит далеко за пределы, доставленные рождением и смертью его героя, включая, с одной стороны, унаследованную им память предшествовавшего поколения, зафиксировавшую опыт прошлого, а с другой - историю создания образа Святого Людовика в памяти переживших его современников и последующих поколений. Так история одной жизни перерастает в настоящую биографическую историю, в историю, показанную через личность.

Как строится персональная идентичность? Некоторые исследователи исходят из того, что "индивидуальная память нерепрезентативна". Эта оценка имеет свои границы достоверности, так как не учитывает сложного состава памяти индивида. Индивидуальная память многопланова: она включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом она подразумевает приобщение к опыту социальному, превращение чужого опыта в собственный, причастность к весьма отдаленным событиям. Огромное значение имеют так называемые устные семейные хроники, рассказы старших о семейном прошлом «до того, как ты родился», которые в той же мере, что и непосредственно переживаемые события, формируют индивидуальную память, дополняя ее воспоминаниями второго порядка. Подобные домашние хроники обычно рассматривают как основу семейной идентичности, но на персональном уровне эти эпизодически или регулярно актуализируемые семейные воспоминания вербально переживаются, присваиваются в «входят» неотчуждаемым компонентом в индивидуальное сознание. Таким же образом строится и идентичность семьи - до рождения настоящего поколения и после его ухода.

Натали Земон Дэвис попыталась воссоздать этот процесс на конкретно-историческом материале истории Франции раннего нового времени в своей известной статье «Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейкой жизни во

Франции начала нового времени». Ее источниковую базу составил представительный корпус семейных мемуаров, которые, разумеется, писались не только для себя, но и для других, для потомков. Это, безусловно, наиболее важный источник, позволяющий понять истинный смысл семейной идентичности и семейной истории. В этих мемуарах фиксировались не только события, пережитые самими их авторами, но и воспоминания старших, передававшиеся из поколения в поколение в устной форме. Обычно они охватывали не более двух или трех поколений предков мемуариста.

Как пишет Н. Дэвис, рассказы отцов и матерей соединялись в единое целое вопросами детей и пополнялись подслушанными разговорами («Что делал мой дедушка в Риме для кардинала де Бурбон?», «За кого вышла замуж моя покойная тетя Габриелла?», «Отец моего отца жил до 126 лет, и, перед тем как он умер, я сам с ним разговаривал...», «Я слушал, как Жан де Лан в 85 лет рассказывал, что его отец в 1331 г., когда он был в этом же возрасте, сказал...»). Запись беженца-гугенота в XVI веке показывает, какой важной частью семейной жизни были эти разговоры: «Ужасные гражданские войны вынудили бесчисленное количество семей, бросив все, покинуть королевство... Многие умерли, не оставив воспоминаний родным о своей родине. Дети не узнают, кем были их родители или предки... Книги и бумаги моего покойного отца потеряны, и я должен восстановить то, что я слышал от него, моей покойной матери и других моих родственников, рассказывавших о происхождении наших предков». В итальянских городах семейная история или домашние воспоминания оформляются в новый литературный жанр уже в XIV в., но в остальных странах Западной Европы в малограмотных семьях, особенно среди крестьян, такие истории на протяжении всего раннего нового времени передавались устно, возможно, вместе с сундуком нотариальных контрактов и других документов. Однако в XVI-XVII вв. множество таких рукописных мемуаров уже хранилось в семьях представителей средних и высших слоев общества.

Домашние мемуары имели различные формы (дневника, записей отдельных событий или последовательного изложения семейной истории) и содержали разное количество информации о жизни мемуариста и его времени (мужья рассказывали больше о себе, чем о женах; жены же обычно повествовали по меньшей мере столько же о мужьях и детях, сколько о себе). Некоторые воспоминания создавались на протяжении ряда поколений – чаще всего сыновьями или наследниками по мужской линии, но иногда женами, вдовами, дочерьми и даже невестками, если мужская линия семьи прерывалась.

Другие – писались на протяжении жизни одного автора и просто сохранялись в семейном архиве для последующих поколений. Однако все стремились оставить детям какой-то рассказ о судьбе семьи.

Отвечая на вопрос о достоверности этих мемуаров, Дэвис привлекает внимание к тому, что недостатком этих произведений является не столько содержащийся в них вымысел, сколько неумышленные или сознательные умолчания. Люди, обладавшие чувством «семейной солидарности», выбирали, что забыть, а что рассказать детям так, чтобы не повредить репутации семьи и ее интересам. Однако все стремились оставить детям какой-то рассказ о судьбе семьи, о жизненном пути и достоинствах родителей, воспитании и браках детей, разорениях и утратах, и таким образом значительное количество фактов и признаний передавалось от одного поколения семьи к другому.

Проблема перехода от индивидуальной памяти к коллективной связана и с другой серьезной проблемой, которая не ограничивается рамками изучения механизмов трансляции «семейного опыта». Это – проблема перехода от биологического ритма человеческой жизни к ритму жизни социальной. Неразрывная последовательность смены поколений является неотъемлемой частью социальных связей. Существует и такое понятие, как память поколений. В современном общественном сознании понятие «поколение» обычно опирается на общность социальных переживаний и деятельности этой группы людей. Длительность поколения в этом культурно-историческом

смысле зависит от скорости обновления общества; чем быстрее перемены, тем короче поколения, тем явственнее выступают и осознаются «поколенные различия».

К. Мангейм, который первым заговорил о поколении в социологии, рассматривал смену поколений как основанный на ритме человеческой жизни универсальный процесс, в результате которого в историческом процессе появляются новые и постепенно исчезают старые действующие лица, причем члены любого данного поколения могут участвовать только а хронологически ограниченном временном отрезке исторического процесса. Наряду с необходимостью решения постоянно стоящей перед обществом задачи передавать накопленное культурное наследство, он отмечал и неразрывно связанную с ней проблему перемен. «Особая функция молодежи состоит в том, что она оживляющий посредник, резерв, выступающий на первый план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам».

Ключевое значение для жизнеспособности общества имеет открытость молодого поколения новому опыту, который противоречит старым стереотипам, привычным ценностям. При этом многое зависит от характера перемен; при резких качественных скачках межпоколенные различия становятся более явственными и субъективно ощущаются гораздо болезненнее. Принципиально важное значение имеет сопоставление воспоминаний «отцов» и «детей» (в буквальном или фигуральном смысле), памяти «смежных» поколений, по-разному воспринимающих и оценивающих одни и те же события. Мне представляется чрезвычайно важным в работе с источниками личного происхождения четко представлять себе поколенную идентичность автора. Ведь при всей своей условности выражение «память поколения» имеет важную содержательную сторону, отражающую некую общность культурно-исторического опыта.

Вообще вся терминология памяти характеризуется многозначностью: понятие «коллективная память» не только у разных авторов или в разных работах, но даже в одних и тех же

публикациях может употребляться в значении «общий опыт, который был пережит людьми совместно», и более широко – как групповая память, а «историческая память» – как коллективная память в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы, или тогда уже как социальная память в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества, или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом.

Репина Л.П.

Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // «Сотворение Истории: Человек – Память – Текст» (2001)//[Электронный ресурс].
- <http://www.ist-bessmertie.narod.ru/statrepina.htm>

«Новая научная история»

Бюргер называет следующие «принципиальные направления» исторической антропологии: 1) материальная и биологическая антропология, касающаяся истории тела, восприятия жизни и смерти, сексуальных отношений и т. д.; 2) экономическая антропология, изучающая, по словам французского историка, «экономические привычки», формируемые часто под воздействием факторов неэко-номического порядка: социальных, моральных, религиозных; 3) социальная антропология, в центре внимания которой – семейные и родственные структуры; 4) культурная и политическая антропология: в этой рубрике Бюргер объединяет изучение народных верований и обрядов, с одной стороны, и антропологический подход к истории власти – с другой. Однако такое объединение кажется мне искусственным: каждое из этих двух направлений настолько важно, что заслуживает отдельного рассмотрения.

... Физическая антропология (это название, на мой взгляд, лучше передает смысл того, что А. Бюргер обозначил как «материальную и биологическую антропологию») представляет

собой сегодня постоянно расширяющееся поле исторических исследований. Рассматриваемые здесь проблемы предполагают активный диалог историков не только с другими гуманитарными (психологией, этнологией), но и с естественными науками (прежде всего, биологией и медициной). Сюда относится, в частности, история питания, история болезней и т. д. ...Все эти проблемы имеют как биологические, так и социально-исторические аспекты. Центральное положение в этом разделе исторической антропологии занимает «история тела». Экономическая антропология фокусирует внимание на мотивах экономического поведения людей в прошлом.

... Главный урок, который извлекли для себя исследователи экономической истории из работ М. Мосса и других этнологов, заключается в том, что к пониманию хозяйственных отношений в традиционных обществах нельзя подходить с мерками «классического капитализма» ... их участники были озабочены отнюдь не только извлечением прибыли. Напротив, для них не менее важны были соображения престижа, религии, морали; и любые хозяйственные операции непременно приобретали личностный характер...

... Одна из центральных проблем историко-экономической антропологии – изучение разных типов рациональности хозяйственной деятельности в прошлом.

... Основным предметом социальной антропологии в трактовке А. Бюргера выступает изучение семейно-родственных связей; при этом отмечается большое влияние на эту область исторических исследований «структурной антропологии» К. Леви-Строса... Однако, на мой взгляд, если уж выделять социальную антропологию как особое направление внутри исторической, то имело бы смысл понимать ее более широко: как изучение микросообществ, основанных на родственных или, например, соседских связях.

... Обширным полем исследования является в последние десятилетия история народной культуры, понимаемой антропологически, т. е. как «система разделяемых всеми значений,

отношений и ценностей, а также символических форм, в которых они выражаются или воплощаются».

... Наконец, как результат применения антропологического подхода к изучению отношений власти и подчинения возникло такое направление, как политическая антропология... акцент переносится с традиционного для политической истории исследования институтов власти на изучение их функционирования в определенном историко-культурном контексте. Историки изучают церемонии коронации, королевские выезды в города, традиционные ритуалы и изобретение новых... Не менее важно исследование повседневности, рутины управления, а также распределения власти на разных «этажах» общества... предметное поле данного раздела исторической антропологии, охватывающего различные аспекты традиционного политического сознания и поведения, может быть определено как изучение политической культуры общества в ту или иную эпоху.

Кром М. М. Историческая антропология // Панорама современных историко-антропологических исследований: Направления и проблематика [Электронный ресурс].

URL: <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/ideas.htm>.

**Учебное издание
Савенкова Инна Юрьевна**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Методические рекомендации

В авторской редакции

**Подписано в печать 25.02.2020. Бумага офсетная. Гарнитура
Times New Roman. Печать ризографическая. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 5,58 Тираж 50 экз. Заказ № 75**

Издатель

ФЛП Слесаренко В.Э,
Г. Луганск, ул. Лермонтова, 1-Б, офис 107
095-017-1615